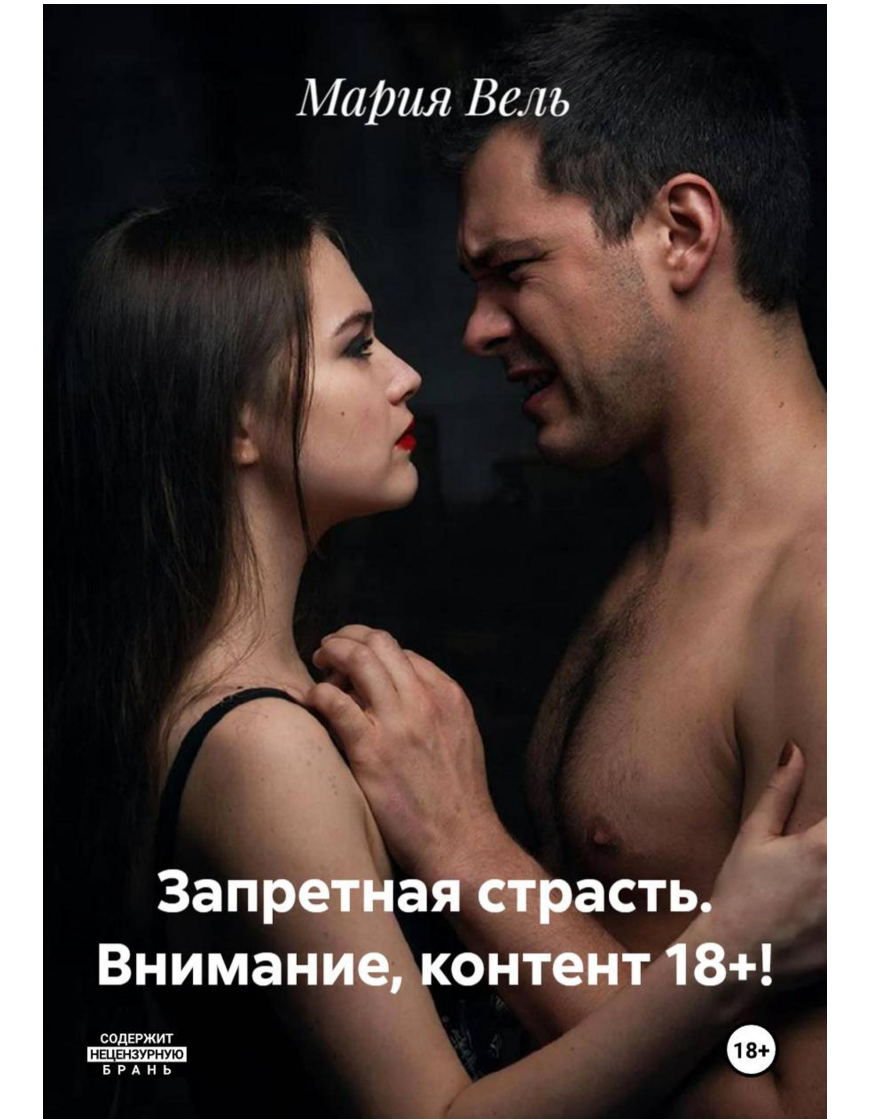


A man and a woman are shown in a close, intimate pose, looking at each other. The woman is on the left, with long dark hair and red lipstick, wearing a black top. The man is on the right, shirtless, with short dark hair. They are both looking at each other with intense expressions. The background is dark and out of focus.

Мария Вель

**Запретная страсть.
Внимание, контент 18+!**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Вель

Запретная страсть.

Внимание, контент 18+!

<https://litres.ru/74155008>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что бы вы сделали, узнав, что близкий человек уничтожил ваше будущее?

Она поклялась стереть его из своей памяти навсегда — дядя, оставивший её в беде, когда ей было больше всего нужно плечо рядом. Теперь же судьба жестоко посмеялась над ней: девушка оказалась зависимой от того самого мужчины, который забрал у неё мечты и надежды.

Её сердце горело жадой мести, душа была полна решимости восстановить справедливость любым способом. Решение пришло мгновенно: соблазнить, подчинить себе и уничтожить. Игра началась...

Однако каждый взгляд, касание, даже случайная встреча рождали внутри странные, незнакомые раньше ощущения. Куда приведёт эта опасная дорога — к долгожданному воздаянию или необратимым последствиям?

Погрузитесь в захватывающий мир интриг, страсти и непредсказуемого финала вместе с героиней романа Марии Вель «Соблазнить, чтобы уничтожить».

Вы готовы испытать свою способность любить и ненавидеть одновременно? Читайте прямо сейчас!

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Ева. Два года назад	8
Глава 2. Ева	15
Глава 3. Ева	22
Глава 4. Ева	31
Глава 5. Ева	39
Глава 6. Адам	48
Глава 7. Адам	55
Глава 8. Адам	62
Глава 9. Ева	69
Глава 10. Ева	76
Глава 11. Адам	84
Глава 12. Ева	93
Глава 13. Адам	101
Глава 14. Адам	109
Глава 15. Ева	116
Глава 16. Адам	123
Глава 17. Ева	133
Глава 18. Ева. Настоящее время	141
Глава 19. Ева	150
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Мария Вель

Запретная страсть.

Внимание, контент 18+!

Пролог

Вдохновлено песней "I Just Want You" (Ozzy Osbourne)

"There are no impossible dreams

Не бывает невыполнимых грёз,

There are no invisible seams,

Не бывает невидимых швов.

Each night when day is through,

Каждую ночь, когда заканчивается день,

I don't ask much,

Я не прошу многого...

I just want you,

Я просто хочу тебя,

I just want you,

Я просто хочу тебя..."

Белые стены давили, а запах хлорки лип к горлу, вызывая тошноту. Я ненавижу больницы. Каждая секунда здесь – пытка, особенно когда ждёшь, пока мир вокруг тебя рухнет.

В руках скомканное направление на анализы, словно приговор, от которого не убежать. Кровь, моча, цифры, которые ничего не значат для меня, я в этом ничерта не понимаю... кроме одного: всё может пойти не так.

Ноги дрожат, как у загнанного зверя. Дыхание сбивается. Я пытаюсь взять себя в руки, но внутри всё горит. Что, если все мои игры зашли слишком далеко? Что, если я потеряла всё, даже саму себя? В коридоре мелькают чужие лица: врачи, пациенты, родственники. Они все чего-то боятся, чего-то ждут. Но их страхи – ничто по сравнению с тем, что творится внутри меня. Я чувствую, как бездна раскрывается прямо подо мной. И вот, я поворачиваю голову и вижу – *его*. Он здесь. Он рядом. Стоит, как всегда, отстранённый и непроницаемый. Красивый, чёрт его, и я снова хочу его.

Я знаю, что его холодность – лишь маска, а под ней скрывается настоящая буря. Такая же, как и во мне. Мы – два урагана, готовые обрушиться друг на друга.

Он подходит, и каждый его шаг отзывается ударом в моём сердце. Наклоняется на корточки и берёт мою руку, и по моему телу пробегает электрический разряд.

Его прикосновение – это ожог, это наркотик, от которого я не могу отказаться. Я помню, как его руки сжимали меня до боли, как его губы терзали мою кожу. Я помню, как стонала под ним, как его член просто разрывал меня на части. И я отвечала ему тем же – *безумием на безумие*.

Он обхватывает своей ладонью мою ладонь и я ощущаю,

насколько горяча его кожа, мне хочется прикоснуться к ней губами, вдохнуть его аромат. Но я сдерживаюсь. Сейчас это не важно, важно то, что я чувствую, как пропасть между нами исчезает.

Остаётся только этот *голод*. Голод, который мы не можем утолить. Он смотрит на меня, и в его глазах – отражение моей собственной одержимости. Я знаю, что мы оба потеряли контроль. Мы горим в одном пламени, и нам это нравится. – Всё будет хорошо, – шепчет он склоняясь к моей ладони и опалая своим дыханием мою чувствительную кожу, но я знаю, что это ложь.

Мы оба знаем, что ничего хорошего нас не ждёт. Мы обречены. Но это не имеет значения. Мы уже слишком *глубоко*...

Глава 1. Ева. Два года назад

Эта история – не услада для слуха, не сказка о счастье. Это моя повесть, девушки, чья жизнь, словно бурный поток, несла меня сквозь череду событий, уготованных судьбой. Начнём же с истоков. Я, Ева Исаева, обычная школьница, растворяющаяся в толпе. "Среднестатистическая" – вот слово, идеально описывающее меня. Но тот мрак, что окутал мою жизнь, начался в день моего шестнадцатилетия.

Хотя о чём это я, он начался куда раньше, но в мой день рождения произошёл переломный момент, который разделил всю мою жизнь на "до" и "после".

Я жила с родителями в тесной двушке московского района Царицыно. Но так было не всегда. Когда-то я жила в достатке, в собственном доме, и сейчас, свою нынешнюю жизнь я ненавидела всей душой.

Всё переменялось в тот злополучный день, когда отец проиграл в казино деньги, в тот день что-то произошло между моим дядей Адамом и отцом.

Майское солнце пробивалось сквозь неплотно задернутые шторы, заливая класс тёплым светом. За окном, сквозь пыльное стекло, виднелся привычный московский пейзаж: серые многоэтажки, унылые детские площадки и редкие островки зелени. Весна запоздала в этом году, будто боялась

прогнать зимнюю тоску. Я невидящим взглядом скользила по этой картине, чувствуя, как слова учителя математики проносятся мимо меня, не оставляя следа. В голове снова возникли картины той ссоры, той роковой ссоры.

В тот день я, как обычно, возвращалась из школы, и услышала громкие голоса за дверью гостиной. Это были отец и Адам. Заинтригованная, я прильнула к двери, пытаюсь разобрать слова.

– Ты идиот! Ты понимаешь, во что ты вляпался?! – кричал Адам. Голос его был полон ярости, такой, какой я никогда не слышала. – Ты проиграл их деньги! Ты понятия не имеешь, кто стоит за этим!

– Адам, успокойся! Я всё улажу, – бормотал отец, голос его звучал жалко и испуганно. – Я отыграюсь, я верну всё до копейки!

– Отыграешься?! Ты хоть понимаешь, что ты не просто деньги проиграл?! Ты поставил на кон жизнь своей семьи! Мою жизнь, в конце концов! Ты втянул нас в такую дерьмовую ситуацию, из которой выбраться почти невозможно!

– Не драматизируй! Я знаю, что делаю.

– Знаешь?! Да ты думаешь только о себе! Тебе плевать на семью, плевать на Еву! Ты хоть на секунду подумал, что с ней может случиться?! – в голосе Адама звучала неподдельная ярость и... боль? – Она же ребёнок, Коля! Как ты мог быть таким безответственным?!

– Заткнись! – рявкнул отец. – Я не просил тебя лезть не

в своё дело!

– Не в своё дело?! Да я теперь по уши в этом дерьме из-за тебя! Слушай меня внимательно: если ты хочешь сохранить жизнь себе и своей семье, чтобы тебя и твою дочь не нашли с простреленными головами, исчезни! Не появляйся больше в моей жизни! Понял?!

Страх сковал меня. Я не понимала, о каких деньгах они говорят, но чувствовала, что это что-то ужасное.

Внезапно дверь гостиной распахнулась, и Адам стремительно вышел. Я не удержалась и опрокинулась вперёд, чуть не упав. Он подхватил меня, крепко держа за плечи.

– Адам, что случилось? – спросила я, чувствуя, как дрожит голос. Мой взгляд метнулся к отцу, он стоял в дверях, лицо искажено гневом какой-то... безысходностью. Но потом мои глаза снова встретились с зелёными глазами дяди. В них отражалась неподдельная, всепоглощающая ярость, но он старался скрыть её, особенно сейчас, глядя на меня.

– Куда ты? – спросила я, зная, что ответ будет не тем, что я хочу услышать.

Адам не ответил прямо. Он лишь стараясь взять себя в руки нежно коснулся губами моего лба, произнес тихо:

– Ещё когда-нибудь увидимся, мышонок.

Он поставил меня на ноги, и я видела, как его силуэт исчезает за дверью особняка. Дверь закрылась, оставив меня в тишине и ощущении невосполнимой потери. Пустота в душе росла с каждой секундой.

С тех пор наша жизнь развернулась на 180 градусов. Адам отвернулся от нас, он больше не посещал нас, а раньше... он был моим самым лучшим дядей, я его любила... до безумия.

Я знала, что мой отец – Николай Александрович, был азартен до мозга костей, а дядя – Адам Гоффман, был владельцем сети элитных ночных клубов и казино, что позволяло отцу постоянно подпитывать своё пристрастие. Этот бизнес приносит Адаму огромные деньги, а мой отец ему помогал, до поры до времени.

Однажды моя мама намекнула мне, что бизнес дяди далёк от законности, но мне было всё равно, пока я жила в роскоши и не сталкивалась с житейскими проблемами, такими как, купить лишнюю кофточку в бутике или поехать в отпуск в другую страну.

Не стоит удивляться разнице в их фамилиях, мать Адама была чистокровной немкой и после замужества не желала брать фамилию мужа – Исаева. Спустя десять лет после рождения сына она покинула Россию и уехала по репатриации в Германию, оставив моего дядю на попечение отца.

Мой дедушка, Александр Сергеевич, в одиночку воспитывал двух сыновей: старшего, моего отца, от первого брака, в котором моя бабушка умерла от рака, (и ведь самое обидное, что я её даже не узнала), и младшего – от второго брака с немкой.

Во мне снова разгорелся праведный гнев. Я сжала ручку до боли, чувствуя, как она впивается в мою кожу. Эта над-

менная женщина, Катерина Гоффман, мать Адама, никогда мне не нравилась. Однажды, погостив у неё в Германии, я по неосторожности разбила дорогую вазу, после чего "бабушка" наотрез отказалась видеть меня в своём доме.

Сердце защемило от воспоминаний. Кажется, что это было только вчера, а прошло уже шесть лет.

Мы гостили у неё всей семьёй. Мне тогда было всего десять лет, я была неуклюжим, нерасторопным ребёнком.

Я помню, как, засмотревшись на ярких бабочек за окном, неловко задела стоящую на столике фарфоровую вазу. Она с грохотом рухнула на пол, разлетевшись на мелкие осколки. Я замерла, испуганно глядя на этот хаос.

– Боже мой... – пролепетала я, чувствуя, как по щекам катятся слёзы.

Катерина, услышав шум, ворвалась в комнату. Её лицо исказилось от гнева.

– Что ты натворила, криворукая?! Ты вечно всё ломаешь! Нельзя тебе ничего доверить! – кричала она, не давая мне и слова вставить.

Я съёжилась под её гневным взглядом, чувствуя себя ничтожной и виноватой. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

Вдруг в комнату вошел Адам. Услышав крики матери, он поспешил узнать, что случилось. Увидев разбитую вазу и мои заплаканные глаза, он нахмурился.

– Мама, что здесь происходит? – спросил он, обращаясь

к Катерине, но не сводя с меня взгляда.

– Эта бестолочь разбила мою любимую вазу! Вечно от неё одни проблемы!

Адам присел рядом со мной на корточки. Он был таким красивым, совсем не похожим на свою мать.

У Катерины были огненно-рыжие волосы, а у него – тёмно-русые, слегка волнистые, красиво лежащие на лбу. Всегда казалось странным, почему он такой тёмный, ведь все в нашей семье, включая дедушку, были светлые, но я вечно забывала об этом спросить, будто это было действительно не важным.

Наши пальцы случайно соприкоснулись, когда мы одновременно потянулись к одному из осколков.

– Не стоит, я уберу, ты сейчас поранишься... – мягко проговорил он, глядя мне в глаза.

Я сглотнула и отрицательно покачала головой.

– Пусть сама убирает, она это натворила! – не унималась Катерина.

Она снова посмотрела на меня и прошептала:

– Мало того, что криворукая, так и страшная, как моль. Кто же тебя такую замуж возьмёт?

Я вспыхнула, готовая ответить на это оскорбление, но Адам меня опередил.

– Блондинки вне времени, мама, а Ева, когда вырастет, обещает стать настоящей красавицей. Не нужно так говорить!

Затем он повернулся ко мне, коснулся моей щеки и тепло улыбнулся.

– Ты красotka, не слушай её. А ваза – это мелочи...

Его слова согрели меня, сердце затрепетало. Я вдруг почувствовала себя защищённой и нужной. Тогда я была благодарна ему безмерно. Он казался мне настоящим героем, спасителем от злой колдуньи.

Адам... Мой некогда любимый дядя Адам... Почему всё так изменилось? Ведь сейчас, я ненавижу тебя, как никого в своей жизни...

Я вынырнула из воспоминаний, почувствовав лёгкое касание к плечу. Это была моя лучшая подруга, Катя.

– Ева, ты чего опять витаешь в облаках? Контрольная же на носу, а ты, как всегда, пропускаешь всё мимо ушей, – прошептала она, обеспокоенно глядя на меня.

Я виновато улыбнулась. Катя была права, я снова ушла в себя. Но разве она могла понять, какой шторм бушует в моей душе?

Глава 2. Ева

– О чём задумалась? – спросила Катя, моя школьная подруга, с лукавой улыбкой. – Ты же знаешь, какое у твоего папы настроение. Не расстраивайся, если он снова напьётся, мы всё равно оторвёмся после твоего семейного торжества!

Я слабо улыбнулась, надеясь, что в этот раз отец не потеряет человеческий облик. Но в глубине души я понимала, что Катя права. Прошедшие месяцы научили меня, что мечты хрупки и легко разбиваются о жестокую реальность. И всё же, в этот день мне отчаянно хотелось чуда – чтобы все были счастливы и могли просто наслаждаться моментом.

– Как на счёт того, чтобы перекраситься? – вдруг спросила Катя, озадачив меня. Она взяла прядь моих светлых волос и, накручивая на палец, продолжила: – Мне кажется, тебе очень пойдёт рыжий, дерзко и необычно. Как думаешь?

– Я же тебе не забор какой-то, – усмехнулась я, понимая, что это ужасная идея, – Да и, к тому же, я терпеть не могу рыжий, уж лучше в чёрный... – засмеялась я, но в душе вспыхнула жгучая ненависть.

Рыжий – это был не просто цвет. Это символ моего личного ада, символ боли, вьёвшейся под кожу. Этот оттенок напоминал о прошлом, об Адаме, об его матери. И мой дядя... будь он проклят, молод, амбициозен, заносчив, и, к сожалению,

нию, красив. Лучше бы он был похож на чудовище, на уродливого монстра, от этого мне было бы хоть чуточку легче. Ещё и не старый, чёрт, я его ненавижу. Ему... кажется, тридцать лет. Плевать, он вычеркнул нас из своей жизни. Точка.

Я отмахнулась от липкой мысли об этом дьяволе в человеческом облики и попыталась сосредоточиться на обсуждении предстоящего вечера. Катя, как одержимая, извергала идеи, как мы проведём сегодняшний вечер: от разудалой вечеринки в стиле "Дикого Запада" до угарного караоке-марафона, пропитанного ностальгией по 80-м.

Она рассказывала за разные кафе, заведения, куда мы могли бы сходить после празднества с родителями, но я лишь рассеянно улыбалась, кивая в такт её идеям, а в моей голове уже зрел мрачный план. План мести дяде Адаму.

За предательство, за то, что бросил нас, стёр из своей жизни, на долгих три года. За отца, который, кажется, пропивал наши последние деньги, за унижительную нищету, за детство, отравленное горечью потерь. Я понимала всю абсурдность этой затеи, её наивность, но жажда справедливости, пусть и искалеченной, клокотала во мне, требуя выхода.

Днём, вернувшись домой, я ощутила гнетущую атмосферу, царящую в нашей скромной квартирке. Отец, уже изрядно захмелевший, неподвижно сидел перед мерцающим экраном телевизора, бессмысленно переключая каналы.

Мать, уставшая и измотанная жизнью, бесцельно металась по тесной кухне, готовя ужин, скудный, как и моё существо-

вание. Праздничного настроения не было и в помине. Я, с трудом выдавив из себя подобие улыбки, поспешила переодеться и, стараясь не привлекать внимания, пошла помогать матери.

Мы молча накрыли на стол, избегая зрительного контакта, словно боялись увидеть в глазах друг друга отражение общей безысходности.

Внезапный звонок в дверь нарушил тягостную тишину. На пороге стоял курьер, с огромным, благоухающим букетом алых роз и строгим конвертом в руках.

– Еве Исаевой лично в руки, – произнёс он и протянул мне цветы и послание.

Я с удивлением расписалась о получении "послания" и поспешно захлопнула дверь.

Внутри конверта обнаружилась лаконичная открытка, с единственной, ледяной фразой:

«С днём рождения, Ева. Думай о будущем. Адам Гоффман».

Внутри меня вскипела такая ярость, что мне захотелось его придушить собственными руками.

Думать о будущем? Как он смеет говорить мне о будущем, после всего, что он натворил?

Сжимая в кулаке дорогую бумагу, я поклялась, что Адам заплатит за каждую слезинку, за каждую ночь, полную кошмаров, за все украденные мечты, за то... что оставил меня... нас, и просто исчез не сказав ни слова.

– Кто там пришёл? – крикнула мама из кухни, её голос не сразу дошёл до моего воспалённого ненавистью сознания.

Я ничего не хотела говорить ей в этот момент, понимая, что сорвусь на крик, и молча протянула ей букет и открытку.

Мать с удивлением взглянула на роскошные розы, а затем прочла короткое послание от Адама. Я увидела, как в её глазах, на мгновение, вспыхнула робкая надежда. Она серьезно? Считает, что мы можем помириться с Адамом? Да никогда! Прошлое – это непоправимая данность, и любые попытки наладить отношения с дядей обречены на провал. И я сама этого не хочу, всей душой.

Отец, наконец-то, оторвался от созерцания телевизионной пустоты и обратил внимание на нас.

Увидев розы и открытку в руках мамы, я заметила, как он нахмурился, словно почуял неладное. В его взгляде я увидела искры какой-то ревности и... затаённой обиды, что ли? Как будто все разом старые раны вновь открылись и начали кровоточить.

Он грубо выхватил послание из рук матери и, пробежав глазами по строчкам, злобно усмехнулся.

– Брат, значит? Вспомнил о племяннице, решил откупиться? – пробормотал он, комкая открытку в своей трясущейся руке. – Не нужны мне его подачки!

– Вы обещали, что мы поедem на пикник... сегодня... – робко попыталась перевести тему я. Только разговоров о дяде мне сегодня не хватало.

Отец лишь пренебрежительно махнул рукой, отворачиваясь от меня. Вместо пикника он достал из серванта початую бутылку водки, и, как обычно, налил себе щедрую порцию в рюмку.

Мать, тяжело вздохнув, принялась накрывать на стол, ставя перед ним тарелку с унылой нарезкой и солёными огурцами – привычный набор для его одинокого застолья.

Я окончательно разочаровалась в сегодняшнем дне и ушла в свою комнату. Праздник, так и не начавшись, был окончательно испорчен. То предвкушающее настроение, которое ещё теплилось в моей душе, угасло. Как же они все мне надоели!

Хотелось убежать куда подальше... скрыться ото всех на свете. Раз я брошенная, покинутая всеми, так пусть все и оставят меня в покое.

Съёжившись комочком я сидела в своей комнате, уткнувшись лицом в подушку, и безутешно плакала. Я ненавидела этот проклятый день рождения, ненавидела отца за его слабость, ненавидела дядю за его коварство и ненавидела себя за то, что была бессильна что-либо изменить.

Я пролежала несколько часов, не отрываясь от потолка. Заплаканные глаза жгло, в голове была гулкая пустота. Казалось, я выдохлась, и была опустошена до самого дна. В этом состоянии не было ни сил на ненависть, ни желания мстить. Только тоска, острая и бездонная.

Сквозь пелену отчаяния пробился голос матери. Я не сра-

зу поняла, что она зовёт меня. С трудом поднялась с кровати, ноги словно налились свинцом. Передвигалась, как во сне, волоча ноги по полу.

На кухне стоял напряжённый воздух, пропитанный запахом вчерашней еды и невысказанных обид. Мама хлопотала у плиты, помешивая что-то в кастрюле, а отец сидел за столом с мрачным видом, наливая себе очередную рюмку.

– Ева, как в школе дела? – робко спросила мама, даже не повернувшись ко мне.

Я насторожилась. Этот вопрос прозвучал как-то неестественно, натянуто. Они прекрасно знали, что у меня в школе всё в порядке, отличные оценки, нет проблем с учителями. Зачем этот спектакль?

– Нормально, мам. Как обычно, – ответила я, пытаюсь понять, к чему она клонит.

Отец шумно выдохнул и посмотрел на меня тяжёлым взглядом.

– А мне тут кое-кто рассказал, что ты, оказывается, не только уроки учишь. Нехорошими вещами, говорит, занимаешься.

Внутри меня вспыхнула ярость. Что за бред?! Что он несёт? Я ничем предосудительным не занимаюсь, у меня нет секретов от них!

– Что за чушь? – возмутилась я. – Кто вам такое сказал? Я ничем таким не занимаюсь!

Отец взорвался. Вскочил со стула, опрокинув рюмку, и

заорал на меня, багровея лицом.

– Ах, какая невинность! Выросла, понимаешь ли, вертихвостка! Берега попутала совсем! Я тебе покажу, как заниматься непотребствами!

– Да идите в школу и спросите у учителей, чем я там занимаюсь! – закричала я в ответ, не сдержавшись. – Мне скрывать нечего! Я ничего такого не делаю!

Ненависть, досада, обида – всё смешалось во мне, требуя выхода. Я чувствовала, как дрожу от гнева. Не желая больше выслушивать их несправедливые обвинения, я развернулась и, громко хлопнув дверью, убежала в свою комнату.

Глава 3. Ева

Вдохновлено песней "Blood" Grandson

We'll never get free

Нам никогда не освободиться,

Lamb to the slaughter

Агнец на заклание,

What you gon' do

Что будешь делать,

When there's blood in the water

Когда вода окрасится кровью?

Я влетела в свою комнату, захлопнув дверь так, что стены задрожали. Схватила первое, что попало под руку – маленькую фарфоровую статуэтку балерины. Помню, дядя Адам подарил мне её, когда мне было лет семь. Я тогда бредила балетом, и он сказал, что она будет моим талисманом, символом грации и успеха. Глупости всё это. С размаху запустила её в стену. Фарфор разлетелся на мелкие, острые осколки, словно мои детские мечты.

В горле заклокотал крик, который я не могла выпустить наружу. Схватила подушку, прижала к лицу и закричала в неё, пока не охрипла. В груди пылал пожар. Я хотела кого-то убить, уничтожить всё вокруг, сокрушить этот мир, который так жесток ко мне. Или... уничтожить себя.

В ушах зазвенело. Я не сразу поняла, что звонит телефон. Ярость, обида, негодование застелили мне глаза, я не видела и не слышала ничего вокруг. Потом до сознания дошло, что звук исходит от моего телефона. Дрожащими руками подняла трубку и хриплым голосом выдавила:

– Да, Кать...

– Ева, ты в порядке? – встревоженно спросила Катя. – Ты не забыла, что мы хотели отпраздновать твой день рождения?

Я выдохнула.

– Кать, праздник отменяется. У меня больше нет сил.

И я рассказала ей всё, как есть. Про отца, про его пьяные выходки, про эти ужасные слухи обо мне, про которые он намекнул. Что он вообще несёт?

В трубке повисла тишина. Я услышала, как Катя замялась.

– Ева... понимаешь... слухи в школе действительно ходят.

Моё сердце пропустило удар.

– Что? Какие слухи?

– Ну... – Катя замялась ещё сильнее. – Ты не обижайся, я просто не хотела тебя расстраивать...

– Катя, говори! О чём ты?

– Помнишь Лёшу из старшего класса? Ты ему отказала, он к тебе клеился...

– Помню. И что?

– Ну, так вот... Он распускает слухи, что ты... спишь за

деньги с каждым.

Мир вокруг меня пошатнулся. Я похолодела. Вспомнила странные взгляды парней вокруг, шепотки за спиной. Раньше я не обращала на это внимания, думала, что просто не нравлюсь им. Но теперь... теперь я поняла. Они смотрели на меня с вожделением и презрением, как на дешёвую вещь, которую можно купить. Я почувствовала себя измазанной в навозе. Какого чёрта?! Как такое вообще возможно? Почему они так думают обо мне? Я ведь... я ведь...

– Но это всё неправда! – взревела я в трубку, чувствуя, как ярость переполняет меня с новой силой, сжимая кулак так, что побелели костяшки. – Это неправда! Мерзкая тварь... мерзкая тварь...

Я чувствовала, как задыхаюсь от досады и обиды, хотелось ударить этого Лёшу с такой силой, чтобы он умылся своей же кровью. Во мне проснулась жажда возмездия, просто неконтролируемая, первобытная.

– Я знаю, Ева... – проговорила Катя тихо, как будто боялась расстроить меня ещё больше. – Но ты же знаешь, что он богатенький мальчик, мажор. У него папа – местный депутат, так что на деньги он не смотрит, а твой отказ, он задел его раздутое самолюбие... Поэтому ему поверили...

Я чувствовала, как дрожат мои руки, жажда крови стала просто невыносимой. Хотелось сорваться с места и бежать, искать его, чтобы выцарапать ему глаза. Но я застыла, словно парализованная, не в силах пошевелиться.

– Но как, как отец узнал об этом? Как? – прошептала я, больше самой себе, чем Кате.

В голове лихорадочно заметались мысли. Отец... как он мог узнать? Он же дальше рюмки и старого телевизора ничего не видит. Неужели... Неужели кто-то из знакомых, таких же опустившихся алкашей, как и он сам, услышал этот мерзкий слух и поспешил ему донести, чтобы позлорадствовать? Чтобы, ткнув носом в грязь, показать, что не только они катится на дно? Или... или это всё-таки школа? Учителя? Может, кто-то из них решил, что мой отец должен знать, во что я "вырядилась"? Учителя тоже разные бывают, некоторые обожают влезать в чужую жизнь, под предлогом "заботы".

И тут меня осенило, как молнией ударило. Вспомнила вчерашнюю сцену в магазине. Когда та противная продавщица смотрела на меня с презрением, когда я пыталась купить продукты в долг. Может, она тоже слышала эти слухи, и решила, что у меня теперь "лёгкие" деньги есть, вот и отказала, надеясь, что я пересплю с кем-то и принесу ей деньги? Да, точно! Она наверняка знала! А потом, когда отец пришел за мной... Она наверняка ему и рассказала! Подлила масла в огонь!

Я со злостью вытерла слёзы со щёк. Мне было противно, тошно и страшно. Страшно от того, как быстро люди готовы поверить в грязные сплетни, как легко они готовы растоптать чужую жизнь. Страшно от того, что мой собственный отец,

вместо того, чтобы защитить меня, поверил в эту чушь.

— Кать, прости... — прошептала я, чувствуя, как голос дрожит. — Я не могу никуда пойти. Не сегодня. Я просто... я не знаю, что мне делать.

— Я понимаю, Ева. — Катя говорила тихо и участливо. — Не переживай. Мы что-нибудь придумаем. Может, завтра встретимся? Просто погуляем?

— Не знаю... — я чувствовала себя раздавленной.

— Хорошо, позвоню тебе завтра. — Катя помолчала немного. — Ева, не переживай так сильно. Всё наладится. Я верю в тебя.

— Спасибо, — пробормотала я, зная, что эти слова звучат жалко и неискренне.

Я не верила ни во что. Ни в себя, ни в будущее, ни в то, что всё может наладиться.

Я положила трубку, и снова уткнулась лицом в подушку. На этот раз я не кричала. Я просто тихо плакала, чувствуя себя совершенно одинокой и беспомощной в этом жестоком, несправедливом мире. Я вдруг вспомнила слова Адама из открытки: «Думай о будущем». Смешно. Какое будущее может быть у девушки, которую считают шлюхой? Какое будущее может быть у девочки, живущей в нищете, с пьющим отцом и сломленной матерью? Какое будущее может быть у меня?

Я вскочила с кровати, как будто меня ударили током, и, как безумная, принялась подбирать острые осколки фарфо-

ровой балерины. Каждый кусочек впивался в мои пальцы, но я не обращала внимания, чувствуя какое-то болезненное удовлетворение.

Вдруг один, самый острый, глубоко полоснул палец. Кровь моментально выступила, алая, густая, стекая по руке, капая на пол. И в этот момент, как ни странно, я почувствовала... облегчение. Это странное, противоестественное чувство, словно физическая боль немного притупила ту, что разрывала меня изнутри. Может... если причинить себе боль, станет чуточку легче? Эта мысль промелькнула в голове, пугая своей мрачной привлекательностью.

От этих ужасных размышлений меня вырвал настойчивый стук в дверь. Я замерла, прислушиваясь. Не ответила. Не хотела никого сейчас видеть, ни с кем разговаривать. Хотела просто исчезнуть, раствориться в темноте. Но мои желания никого не волновали. Дверь скрипнула, и в комнату, как всегда, вошли без моего разрешения.

На пороге стояла мама. Она выглядела жалко, какой-то поникшей, измученной. Я подняла на неё глаза, и меня пронзила волна жалости и... презрения. Не хотела бы я выглядеть такой несчастной в её возрасте. Никогда. Я вырвусь из этого ада, даже если мне придется рвать кому-то глотки. Мне всё равно. Я буду рвать, и мне плевать на последствия. Главное — выжить.

Мать неуверенно присела на край кровати, её взгляд упал на мою руку, на алую струйку крови, бегущую по запястью.

Она замешкалась, в глазах мелькнул испуг, и... страх за моё психологическое состояние.

– Ева... рука... давай промоем рану? – пролепетала она, робко протягивая руку.

Я испепелила её взглядом. Вся жалость, что я только что испытывала, мгновенно испарилась. Словно очнувшись от наваждения, я осознала, что стою перед ещё одним человеком, который допустил то, что сейчас со мной происходит.

Вместо ответа я просто поднесла окровавленный палец ко рту и, не отрывая взгляда от матери, сглотнула подступающую кровь. Металлической вкус растёкся по языку.

Мать отшатнулась, в её глазах читался ужас. Она замялась, как будто пыталась подобрать нужные слова, и начала оправдываться за отца, как всегда.

– Ева... ты не злишься на отца... он... он просто...

– Просто что? – перебила я, сжимая кулаки. – Просто алкаш, который верит грязным сплетням?

Она вздрогнула, как от удара.

– Он просто... он беспокоится за тебя...

– Беспокоится? – ядовито усмехнулась я. – Да он меня никогда не видел!

– Завтра... мы поедем все вместе в школу, – продолжала она, словно не слыша моих слов. – Узнаем о твоей успеваемости, и... обо всём остальном.

Я скривилась. Это было так лицемерно. Они вдруг вспомнили, что у них есть дочь, о которой нужно заботиться?

– Валяйте, езжайте... – с презрением процедила я. – Мне нечего скрывать.

Мать вздохнула, опустив голову.

– Ева, ну что ты так? Всё хорошо... Ты не волнуйся, всё образуется.

– Это всё? – холодно спросила я.

Она подняла на меня взгляд, полные слёз.

– Не говори так со мной...

Я сжала зубы. Мне было противно от самой себя, от этого театра, от этой жалкой попытки притвориться нормальной семьёй.

– Прости, – скрепя сердце проговорила я. – Просто... сегодня действительно сложный день.

Мать подошла ко мне, нежно коснулась моего лица, поцеловала в лоб.

– Спокойной ночи, доченька.

Она на мгновение задержалась, подняла мой подбородок, заглянула в глаза.

– Твоё будущее ещё впереди, Ева. Ты красивая, умная и способная девочка. Не нужно так расстраиваться.

Она развернулась и, закрыв за собой дверь, оставила меня в одиночестве.

Я снова упала на кровать, уставившись в потолок. Её слова звучали как пустой звук. Какое будущее? С разбитой вдребезги репутацией, с пьющим отцом и сломленной матерью? Какое будущее может быть у меня? В голове остался лишь

Один вопрос: как выжить?

Если вам нравится история, буду очень благодарен за пару тёплых слов в отзыве — это вдохновляет на дальнейшую работу!

Глава 4. Ева

Я проснулась измученная, будто меня били всю ночь, или я разгружала десятитонку в «Пятёрочке». В голове проскользнула саркастическая мысль.

«Если я буду так дальше жить, то разгружать товары в «Пятёрочке» станет для меня реальностью».

Кое-как встала с кровати, стараясь не думать ни о чём. Проснулась раньше обычного и пошла в душ. Когда я вымылась дочиста, то почувствовала облегчение.

Подойдя к зеркалу, я увидела просто серую мышь, то есть, меня. Светлые, длинные волосы облепляли измученное лицо, серые глаза... В голове всплыли воспоминания того, как дядя Адам называл меня "мышкой".

– Мышка... да, блять, я мышка... чёртова серая мышь, ненавижу тебя... ненавижу, Адам! – прошептала я самой себе и с яростью посмотрела на себя в зеркало.

Мои серые глаза вспыхнули, и я увидела там настоящий холод. От самой себя у меня побежали мурашки по коже. Прекрасно, ненависть, это было то, что нужно, то, что питало меня, давало мне силы. Ненависть к Лёше, к его папаше-депутату, ко всем этим самодовольным ублюдкам, уверенным в своей власти и безнаказанности. Ненависть к отцу, за его слабость и пьянство. Ненависть даже к матери, за её

вечное смирение и отсутствие сил, чтобы что-то изменить. И да, ненависть к Адаму, за его фальшивое участие, за его лицемерные слова поддержки, за то, как он вычеркнул меня из собственной жизни, будто меня там и не было.

Я вытерла запотевшее зеркало и снова взглянула на своё отражение. Больше никакой серой мышки. Сегодня родится кто-то новый. Кто-то, кто не позволит себя топтать. Кто-то, кто даст сдачи. Кто-то, кто будет бороться.

Я с грохотом пронеслась по квартире, замечая на себе удивлённые взгляды родителей. Да плевать, плевать мне на всё! С силой хлопнула дверью своей комнаты и стала рыться в вещах. Мне нужен был наряд, который бы говорил сам за себя. Что-то вызывающее, дерзкое, чтобы соответствовать образу, который мне так щедро навесили. "Шлюха" ... Сука, они все увидят, как эта "шлюха" наступит на их глотки.

На дне шкафа я обнаружила старую кожаную куртку, которую выпросила у матери лет пять назад. Она была мне велика, но сейчас сидела идеально. Под куртку я нашла короткое, обтягивающее платье, которое никогда не надевала – слишком вульгарное, слишком откровенное. Сегодня – самое то. Дополнила образ грубыми ботинками на толстой подошве и ярким макияжем. Подвела глаза чёрным карандашом, густо покрасила губы алой помадой. В зеркале на меня смотрела незнакомка – дерзкая, самоуверенная, готовая к бою.

В таком виде я направилась на кухню. Отец уже сидел там,

похмельный и злой, как обычно. Его красные глаза с подозрением изучали меня, когда я вошла. Мать стояла у плиты, бледная и встревоженная.

Реакция последовала незамедлительно.

– Ты куда это вырядилась? – прорычал отец, с трудом фокусируя на мне взгляд. – Ты что, совсем с ума сошла?

Мать всплеснула руками.

– Евочка, зачем ты так? Ты же у меня хорошая девочка, умница. Что ты творишь?

Я злорадно усмехнулась. Именно этого я и добивалась. Пусть смотрят, пусть судят.

Отец, кажется, окончательно проснулся. Его лицо покраснело, он вскочил со стула, готовый сорваться в очередной приступ ярости.

– Я тебе сейчас покажу, куда ты вырядилась! Я тебя...

Но потом он осекся, словно внезапно потерял интерес. В его глазах появилось какое-то странное выражение – смесь разочарования и... подтверждения. Он махнул рукой.

– А, ну да... Теперь понятно... Слухи, значит, не врал.

Усмешка стала ещё шире. Пусть верит. Пускай. Да – шлюха. Буду для них не просто шлюхой, а самым дьяволом.

Я открыла холодильник, достала оттуда кусок сыра и колбасы и принялась с аппетитом жевать, глядя прямо отцу в глаза.

– Вы же поверили слухам, – проговорила я, не отрываясь от еды. – Так чего теперь удивляетесь? Нужно соответство-

вать образу.

Отец нахмурился, его брови сошлись на переносице.

– Если так и есть, – процедил он сквозь зубы, – ты будешь наказана. И всё лето просидишь дома.

Я с ледяным спокойствием посмотрела на него.

– Пожалуйста, – проговорила я, отчётливо выговаривая каждое слово. – Как вы можете наказать меня ещё больше, чем жизнь с вами?

– Видишь, кого мы воспитали? Видишь? – отец повернулся к матери, причитая.

«Конечно, воспитали вы демона, и не просто воспитали, вы все меня бросили, это результат вашего полного пофигизма!» – подумала я, пережевывая колбасу с сыром, демонстративно причмокивая.

– Она просто подросток, Коля, шестнадцать лет, вспомни какими мы были! Это пройдёт, – сказала мама.

«А как же? Конечно, пройдёт, когда я вырвусь из этой клоаки на свободу, тогда, может быть, пройдёт.» – с досадой подумала я.

Дожевав колбасу, я с нетерпением ожидала их в коридоре, ждала, когда они оденутся, когда соберутся, когда отец соберёт своё хмельное лицо до кучи.

Нервно теребила телефон в руках и перекладывала рюкзак с одного плеча на другое. Как же они меня бесят! Все до одного. И чем дольше тянется это утро, тем сильнее горит внутри меня этот огонь ненависти. И он обязательно вырвет-

ся наружу. Испепелит их всех, к чертям собачьим. Я не буду больше серой мышью. Я стану ураганом.

Вышли они, наконец, одевшись, и я встретила их кривой усмешкой.

– Давай, двигай булками, и к машине, бегом!

Я вспыхнула от такого пренебрежительного тона, но не стала спорить, а молча пролетела с пятого этажа нашей старой панельки на первый. Совершенно не дожидаясь их.

Когда я выскочила на улицу, остановилась, вдыхая свежий майский воздух. На улице пели птицы, природа цвела, оживала, резко контрастируя с холодом, и пылающей злобой у меня внутри.

Когда родители спустились, я подошла к нашей старенькой "Ладе".

Отец открыл дверь и буркнул:

– Особое приглашение нужно?

Я ничего не ответила и пролезла внутрь. Захотелось кричать, орать, даже ударить его, но я сдержала гнев. Не буду я показывать свою слабость.

Наконец, они оба умостились в машину.

Мама, вся какая-то съёжившаяся, робко посмотрела на меня и попыталась улыбнуться.

– Евочка, ну чего ты такая хмурая? Посмотри, какая погода хорошая! Наверняка, у тебя сегодня будет отличный день!

Я лишь отвернулась к окну, не желая продемонстрировать притворную радость. Какая хорошая погода, о чём она гово-

рит? Моя жизнь катится в тартарары, а она про погоду. Хотелось заорать ей в лицо, чтобы она проснулась, сняла свои розовые очки и увидела реальность. Но я промолчала. Молчание – моя новая броня.

Отец завёл машину, и мы тронулись с места. Душный салон "Лады" наполнился привычным запахом старого бензина и дешёвого табака. В голове пульсировало одно: как же я ненавижу это место, эту машину, этих людей. Казалось, будто меня заживо похоронили в этой убогой жизни.

Мама, всю дорогу до школы, пыталась завести разговор. Сначала о погоде, потом, как бы невзначай, о школе. О том, какие предметы я собираюсь сдавать на выпускных экзаменах, куда хочу поступать. Я чувствовала её тревогу, её отчаянное желание вернуть всё на круги своя, к той Евочке, которая была «умницей и хорошей девочкой».

Но мне было плевать. Плевать на экзамены, на будущее, на её надежды. Я смотрела в окно, на проплывающие мимо серые дома, на редкие деревья, ещё не успевшие одеться в зелень. В ушах стоял звон, в голове – пустота. Мне хотелось только одного – чтобы они замолчали, чтобы оставили меня в покое.

– Может, на юриста? – робко предложила мама, словно боялась спугнуть меня резким словом. – У тебя всегда хорошо получалось убеждать людей. И потом, это такая престижная профессия...

Я не ответила. Просто отвернулась дальше к окну, де-

монстрируя полное отсутствие интереса к разговору. Юрист. Престижная профессия. Как же это всё неважно, как всё это далеко от того, что сейчас клокочет у меня внутри.

Отец, молчавший до этого, вдруг хмыкнул:

– Юрист? Да с её-то репутацией её дальше подворотни никто не пустит!

Мама укоризненно посмотрела на него:

– Коля, ну зачем ты так? Не говори глупости.

Я едва заметно усмехнулась. Спасибо, папаша, что напомнил мне, кто я теперь в глазах окружающих. Шлюха. Идеальный кандидат в юристы.

Тишину нарушил резкий визг тормозов. Я даже не успела испугаться, не успела ничего понять. Только заметила краем глаза, как навстречу нам летит огромная, блестящая машина.

Мир перевернулся. Время замедлилось. Я увидела, как смялся капот нашей "Лады", как лобовое стекло покрылось паутиной трещин. Как в нос ударил тошнотворный, металлический запах крови.

Перед глазами возникло какое-то месиво из металла, осколков стекла и... красного. Много красного. Брызги крови полетели на мою куртку, на лицо, забились в волосы. Я смотрела в оцепенении, как алая жидкость, словно краска, заливает всё вокруг.

А потом был удар. Сильный, оглушительный удар, который пронзил всё моё тело. Я почувствовала, как меня швыр-

нуло вперёд, как ремень безопасности врезался в грудь. В глазах потемнело, в голове зазвенело. Последнее, что я увидела, перед тем, как потерять сознание, — это лица родителей. Искажённые ужасом, залитые кровью. Передние сиденья превратились в груды искорёженного металла. И алые брызги, повсюду алые брызги.

Глава 5. Ева

В нос ударил резкий запах медикаментов, едкой хлорки, всего того, что, казалось, пропитало воздух. Даже сквозь вату в голове, сквозь пелену неясности, этот запах пробивался, раздражая и вызывая тошноту. Веки были словно свинцовые, не слушались меня. Я лежала, не открывая глаз, и слушала. Слушала, как пищат какие-то датчики, мерно, монотонно, как тикают часы, отсчитывая секунды моей... чего? Жизни? Муки?

В голове проносились обрывки недавних событий. День рождения, пьяный угар отца, унижительное поздравление дяди, ссора с родителями, их вечное недовольство, их обвинения. Унижительная поездка в школу, чтобы... чтобы что? Чтобы подтвердить или опровергнуть грязные слухи о том, что я шлюха?

Мы не доехали до школы.

А потом... потом удар. Оглушительный, всепоглощающий. И кровь. Много крови.

Резко распахнула глаза. Сухой воздух обжёг слизистую. Передо мной склонились лица. Размытые, неясные, как будто смотрела сквозь толстое стекло. Врачи? Медсестры? Какие-то ещё люди в белых халатах... Они что-то спрашивали. Видела, как двигаются их губы, как хмурятся брови. Виде-

ла беспокойство в их глазах. А я... я ничего не понимала. В ушах стоял гул, словно внутри меня работала какая-то адская машина. Звуки доходили как сквозь толщу воды.

С трудом подняла руку. Холодные, липкие датчики приклеились к коже.

Мелькнула мысль:

«Что это? Зачем они здесь?».

Повернула голову. Палата. Белые стены, тусклый свет, капельница, свисающая с металлической стойки. В окно еле пробивались солнечные лучи, размытые и слабые.

Врачи продолжали щёлкать перед моим лицом какими-то инструментами. Имитация проверки зрения? Да плевать! Пусть щёлкают, пусть светят, пусть тычут. Всё внимание было сосредоточено на одном – понять, что произошло.

Неужели... авария?

И тут, как вспышка, в памяти возникла картина. Месиво из металла, искорёженная "Лада", лица родителей... залитые кровью. Волна ужаса окатила меня с головой. Мама... папа... Где они? Живы ли?

Попыталась что-то сказать, спросить. Но изо рта вырвался лишь хрип. Горло пересохло, язык не слушался. Лица врачей стали ещё более обеспокоенными. Они зашептали что-то друг другу, жестикулируя и поглядывая на меня.

Я снова перевела взгляд на свою руку. Датчики, трубки, капельница... Я – словно сломанная кукла, подключённая к аппаратам, чтобы хоть как-то поддерживать жизнь. Но что

на счёт моих родителей? Что насчёт того, кто виноват в этой аварии? И почему этот запах хлорки, этот больничный холод, проникают мне под кожу, парализуя волю?

Я должна узнать. Я должна вспомнить. Я должна выжить.

Я закрыла глаза, чувствуя, как пульс пульсирует в висках, как дыхание постепенно приходит в норму. Сейчас все мои недавние проблемы, ссоры и обиды казались такими мелкими, такими ничтожными перед лицом того, что со мной случилось. Открыв глаза, я сфокусировала взгляд на лицах врачей, и наконец... смысл их слов начал доходить до меня.

– Как вы себя чувствуете? – спросил один из них, наклоняясь ближе.

Я попыталась ответить, и из моего горла вырвался лишь хрип. Я прокашлялась, с трудом прочищая горло.

– Вроде бы... нормально, – проговорила я, чувствуя, как саднит в груди. – Только... такое чувство, что я... сломана.

Врач слегка наклонил голову, его взгляд смягчился.

– Вам повезло, – сказал он, и в его голосе прозвучало искреннее сочувствие. – Вы отделались относительно легко. Сотрясение мозга, несколько ушибов... Но, по большому счёту, вы практически не пострадали.

Его слова казались нереальными. "Легко"? "Не пострадали"? А как же остальное?

Я смотрела на него, пытаясь собраться с мыслями. Но в голове была лишь каша, обрывки воспоминаний.

– А мои... родители? – выдохнула я, с трудом выговаривая

слова. – Как они?

Врач замер. Его взгляд метнулся в сторону, словно он искал, куда спрятаться. Он откашлялся, избегая смотреть мне в глаза.

– Они... – он запнулся, подбирая слова. – Они были в реанимации...

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

– И... – подтолкнула я его, замирая от ужаса.

Он снова отвёл взгляд. В палате повисла тягостная тишина.

– Их не удалось спасти, – проговорил он тихо, едва слышно. – Они... они умерли сегодня утром.

На мгновение меня парализовало. Я не могла пошевелиться, не могла дышать. Слова врача не хотели складываться в единое целое, отказывались обретать смысл.

Я с трудом прочистила горло.

– Это... это какая-то очень не весёлая шутка, – проговорила я дрожащим голосом. – Так шутить нельзя.

Глаза наполнились слезами, предательски размывая все образы вокруг.

Врач покачал головой, и его лицо стало ещё более скорбным.

– Боюсь, это не шутка, – сказал он. – Мы бы никогда не стали шутить подобным образом.

Мир рухнул. Раскололся на тысячи осколков, и каждый из них вонзился в моё сердце. «Умерли». Это слово звучало

как приговор, как погребальный колокол, от которого некуда бежать. Мама... Папа... Нет, этого не может быть. Это какая-то чудовищная ошибка, злая шутка.

Я попыталась сесть, сорвать эти проклятые датчики, доказать им, что они лгут. Но тело не слушалось, пронзила острая боль в висках, комната закружилась.

– Нет! Нет! Это неправда! – пыталась закричать я, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип.

Я дёрнулась, пытаюсь высвободиться от капельницы, от этих трубок, что привязывали меня к кровати. Сорвать их, вырвать с корнем! Может, тогда этот кошмар закончится?

– Вы лжёте! Вы все лжёте! – теперь это был уже не просто крик, а истошный вой, полный моей боли и отчаяния.

Я плевалась проклятиями, словами, которые никогда бы не сорвались с моих губ в нормальной жизни. Но сейчас я была ненормальной. Обезумевшей от горя.

Всё вокруг плыло, звуки доносились словно из другого мира. Я видела их лица, испуганные и обеспокоенные. Слышала обрывки фраз.

«Срочно успокоительное...»

«...вколоть снотворное...»

Пелена. Вязкая, липкая пелена окутывала разум. Я больше ничего не соображала. Только боль. Невыносимая, всепоглощающая. Мне хотелось причинить кому-то вред. Им? Себе? Неважно. Главное – прекратить эту муку.

Я впилась ногтями в свою кожу на руках. Рвала её, ца-

рапала до крови. Хотелось почувствовать физическую боль, заглушить душевную. Но тщетно. Эта боль была ничем по сравнению с тем, что творилось внутри.

Острая игла. Укол. Всё померкло. Я чувствовала, как сознание ускользает, как тьма подступает со всех сторон. Но даже в этой тьме, в самом её центре, пульсировала одна мысль: «Они мертвы. Мама и папа мертвы».

Дальше – лишь пустота. Тишина. Небытие. Измученное тело обмякло на больничной койке, разум погрузился в глубокий, искусственный сон. Но даже во сне, наверное, я продолжала кричать. Кричать от боли, от потери, от ужаса.

Я медленно открыла глаза. Мысли путались, в пелене от странного, болезненного сна я не могла понять, где я. Дома? Но когда я распахнула глаза шире, сразу стало ясно: это не мой дом. Больница. Белые стены, резкий запах лекарств, писк приборов...

В голову ворвались обрывки воспоминаний: авария, родители погибли сегодня утром, а я... осталась жива. Сердце сжалось от невыносимой боли. Я всхлипнула, чувствуя, как горячие слёзы катятся по щекам, обжигая кожу.

– Тише, тише, – услышала я тихий голос врача, который будто из ниоткуда появился рядом. Он наклонился ко мне, его лицо выражало сочувствие, но в глазах читалась усталость.

«Наверное, привык видеть такое», – промелькнула циничная мысль.

– Мне очень жаль, Ева, – произнёс он мягко, но слова его звучали как приговор. – Я понимаю, что сейчас тебе очень тяжело. Поверьте, мы сделали всё возможное...

«Всё возможное? А их это вернуло?»

Хотелось закричать, обрушить на него весь свой гнев, но я лишь молча смотрела на него затуманенным взглядом.

– Вы не виноваты, Ева. Это был несчастный случай, – продолжил он, словно читал мои мысли. – Никто не мог этого предвидеть.

Виновата ли я? А кто тогда? Отец, пьяный за рулём? Дядя, из-за которого отец запил? Или может, я сама?

Собрав остатки сил, я вытерла слёзы тыльной стороной ладони.

– Сколько я проспала? – прохрипела я, чувствуя, как саднит в горле.

– До вечера. Сейчас около восьми часов, – ответил врач, его взгляд был полон сочувствия.

– Ясно, – прошептала я, и просто погрузилась в свои чувства, не ощущая ничего вокруг. Комната словно расплылась, звуки стали приглушёнными. Я проваливалась в глубокую яму отчаяния и боли, от которой не было выхода.

– Я понимаю, что вам сейчас очень тяжело, – продолжал врач, – Но нам нужно решать, что делать дальше.

– В каком смысле? – резко спросила я, вырываясь из оцепенения.

– Мы связались со всеми вашими родственниками, пыта-

ясь найти того, кто захочет взять над вами опеку.

Он замолчал, ожидая моей реакции. Но что тут скажешь? Я и так знала, чем всё закончится.

– И? – подтолкнула я его, предчувствуя худшее.

Врач опустил глаза.

– Все они отказались.

Уголки моих губ приподнялись в кривой усмешке.

– Конечно. Что и следовало ожидать...

Они всегда были такими. Только когда нам было хорошо, они были рядом, а стоило отцу потерять всё, как все исчезли.

– Но... – врач снова поднял взгляд, – Я позвонил вашему дяде, Адаму, и сообщил о трагедии...

Ненависть вспыхнула во мне мгновенно, прожигая всё вокруг. Дядя Адам. Ненавистный, отвратительный. Как я вообще могла его так любить? Предатель. Бросил нас... меня. А теперь он вдруг решил объявиться? Как пропал, так пусть там и сидит. Он мне больше не нужен.

Вдруг, меня осенило. А ведь это он во всем виноват! Именно он бросил нас! Возможно, этого всего и не случилось бы, если бы он простил отца за тот проигрыш. Отец бы не стал так пить, не продал бы особняк и всё, что у нас было. А сейчас... я вынуждена не только лишиться родителей, нормального детства, но и вообще какого-то будущего...

– И что? – резко спросила я, прожигая врача взглядом.

– Что? – он вздрогнул от моей резкости.

– Я сразу заявляю, я не буду жить с дядей. Не буду под

его опекой. И если меня надо отправить в детдом, я готова. Только не с дядей. Точка.

Врач покачал головой.

– Ева, поймите, он ваш единственный родственник, кто согласился приехать, кто действительно волнуется...

Я фыркнула. Волнуется он, как же! Мразь.

– Нет. Я не буду под его опекой.

Врач, казалось, не слышал меня.

– Он скоро приедет, и вам нужно поговорить наедине.

Я прожгла его ненавистным взглядом. Что он себе позволяет?

Врач тяжело вздохнул.

– К вам гости. Ваша подруга – Катерина, кажется. Она узнала о трагедии и очень хочет зайти.

Катка... единственная, кто осталась со мной, несмотря ни на что. Единственный лучик света в этой кромешной тьме.

– Пожалуйста, – прошептала я, чувствуя, как снова подступают слёзы. – Пусть зайдёт. Я... я очень хочу её увидеть.

Глава 6. Адам

Дым дорогой сигары медленно поднимался к потолку моего кабинета, закручиваясь в причудливые кольца. Это, пожалуй, единственное, что сейчас хоть как-то помогало мне отвлечься от вороха мыслей, терзающих сознание. Вчера Еве, моей племяннице, исполнилось шестнадцать. Шестнадцать лет... Кажется, совсем недавно она была маленькой девчушкой, обожавшей лазить ко мне на колени и рассказывать свои детские секреты. А я... я даже не соизволил приехать.

Чувствую ли я себя подонком? Наверное, да. Но, чёрт возьми, у меня просто не было другого выхода. Мой брат, этот беспечный идиот, загнал нас всех в такую глубокую яму, что я до сих пор не вижу из неё выхода. Он проиграл деньги. Чужие, огромные деньги. И те, кому они принадлежали, не привыкли прощать долги. Они дали мне выбор: смерть ему и, возможно, всей его семье, или... или я становлюсь их марионеткой.

Десять лет. Десять лет мои ночные клубы и казино будут не просто местом развлечений, а перевалочным пунктом для их грязных делишек. Десять лет я буду покрывать их, улаживать проблемы, брать всю вину на себя, если что-то пойдет не так. А брата... брата я больше не увижу. Таковы были условия. На Еву и её мать, по крайней мере, не было никаких

чётких ограничений. Но я не мог рисковать. Я просто не мог допустить, чтобы они пострадали из-за долгов моего брата. Поэтому я обрубил все концы. Официально.

Конечно, я тайно слежу за ними. Знаю, что брат пропивает всё, что у него есть. Знаю, что он продал особняк, и теперь Ева живёт совсем не так, как раньше. Но лучше такая жизнь, чем никакой. Лучше бедность, чем пуля в голове.

Телефонный звонок вырвал меня из этих мрачных раздумий. Незнакомый номер. Я вздохнул и принял вызов.

– Да... понял, сколько нужно перевести?

Короткий ответ, и я сбросил звонок. Кривая усмешка тронула мои губы. Я уже много лет покрываю долги брата. Он даже не подозревает об этом, вечно пьяный и беспечный. Но тайные переводы денег на их содержание – это единственная возможность помочь им, не привлекая к ним внимание тех, кто жаждет расправы. Это мой способ защитить их, даже если они об этом никогда не узнают. Это моя плата за ту сделку с дьяволом, которую я заключил, чтобы спасти их жизни.

Дверь резко распахнулась, и в мой кабинет вошла Кристина, одна из танцовщиц. Её вызывающие наряды обычно оставались за пределами моего личного пространства, но сейчас она стояла передо мной в коротком, блестящем платье, которое едва прикрывало бёдра. Я не спорю, фигура у неё была отменная, но сейчас мне было не до секса.

Она подошла ко мне совсем близко, на высоких шпильках, покачивая бёдрами, и я тут же ощутил удушающий за-

пах её духов – сладкий, приторный, он казался слишком осязаемым, заполняя собой всё пространство моего кабинета, где обычно всё было пропитано лишь моим присутствием, запахом дорогой кожи мебели, сигары и терпкого коньяка. Это вызвало во мне внезапное раздражение, будто кто-то нагло вторгся в мой личный кокон. Мне захотелось немедленно проветрить комнату, вытеснить этот навязчивый аромат.

Кристина наклонилась, и её крашенные в блонд волосы коснулись моего уха. Она шепнула, обжигая кожу горячим дыханием:

– Поедем сегодня к тебе? Или ты тут надолго застрял?

Я не ответил. Просто отстранился, взял её лицо в ладони и посмотрел в глаза. В этих васильковых глазах, на дне которых плескалась глубина, я видел лишь отражение собственной похоти. Ничего больше.

– У меня нет настроения... – сухо отрезал я.

Её лицо исказилось в недоумении, но она не отступила. Эта девица привыкла получать то, что хочет. Кристина зарылась пальцами в мои волосы, ощутимо сдавливая кожу головы, и потянула меня ближе к себе, впиваясь в губы требовательным, настойчивым поцелуем.

Я ощутил, как её язык нагло проникает мне между зубами, как жадно она пытается приласкать мой язык. Вкус алкоголя, смешанный со сладкой помадой, вызывал во мне смешанные чувства. С одной стороны, хотелось схватить её за задницу,

нагнуть прямо на этом массивном столе из красного дерева и утолить свою животную потребность в тепле женского тела. Но с другой стороны, что-то внутри противилось этому. Сейчас я отчаянно нуждался в одиночестве, в тишине своих мыслей, в возможности переварить груз, который давил на меня.

А она продолжала ласкать меня, её рука скользнула вниз, к моей ширинке, умело и настойчиво пытаясь расстегнуть брюки. Да, я почувствовал возбуждение, как и всегда. Мне всего тридцать лет, я молод, здоров, и моё тело требует женского общества. Но сейчас... сейчас я не хотел этого. Это было что-то большее, чем просто отсутствие желания. Это было какое-то отторжение, на каком-то духовном уровне. Чушь конечно, но это было так.

Я резко оттолкнул её от себя, холодно произнеся:

– Не сейчас! Не сегодня.

Кристина отшатнулась, хлопая покрашенными ресницами, как глупая кукла.

– Почему? – обиженно пролепетала она.

Я смотрел на неё, на её идеально выбеленные зубы, на пухлые, покрашенные губы, на эти длинные, нарощенные ресницы, и не мог понять, почему она вызывает во мне лишь похоть, и ничего больше. Мне нравились блондинки, это правда. Но эта её искусственная красота... Она была как дорогая подделка, красивая снаружи, но пустая внутри. Она знала, что мне нравятся блондинки, и покрасилась, только чтобы

понравиться.

Раньше, лет пять назад, меня бы это даже не волновало. Пустая или нет – мне было плевать. Я просто брал своё, трахал их так, как сам того хотел. Животная страсть, и многих это устраивало, пока они не начинали капать на мозги о свадьбе, детях, и "жить дружно и счастливо".

Тогда я просто находил другую. Но с каждой было одно и то же. Долго и счастливо, свадьба и желание почаще залезать в мой кошелёк, уже в качестве законной жены. Но почему-то в последнее время мне стало мало этого. Захотелось чего-то настоящего... Секс – это хорошо, но захотелось ощутить что-то большее, нежели недолговременная симпатия и похоть.

– Выходи, сегодня я не трахну тебя, иди работай...

Я увидел, как она надула губы, но тут же на её лице появилась слабая, лёгкая улыбка. Боже! Она готова так унижаться, ради того, чтобы остаться со мной? А если я привяжу её к батарее и буду трахать всю ночь, жестоко, больно, причиняя ей реальную физическую боль, она будет так же улыбаться? Пустая. Как и моя душа.

И от этой мысли стало до тошноты мерзко. Мерзко от себя, от неё, от всего этого лицемерного мира, где все продаётся и покупается. Где любовь – это лишь красивая обёртка для банального расчёта. Где честь и достоинство – лишь пустые слова, прикрывающие грязные делишки.

Кристина медленно кивнула, опустив взгляд.

– Когда будешь готов, позови, – тихо прошептала она, словно боясь нарушить хрупкую тишину кабинета.

Я взглянул на неё и холодно отрезал:

– Иди... дверь не закрывай, я скоро уйду...

Она лишь кивнула и с безмолвной покорностью исчезла за дверью. В ту же секунду в кабинет ворвались звуки клубной вечеринки. Глухие удары басов, вибрация, заставляющая дрожать стены, мелькание разноцветных светодиодов, пробивающихся сквозь щель в двери, запах дыма, дорогого алкоголя и пота. Всё это давило на меня, душило.

Я окинул взглядом свой кабинет. Роскошная мебель, произведения искусства, дорогие напитки. Всё это было лишь декорациями к моей жалкой жизни. Всё это было частью моего бизнеса, частью той сделки с дьяволом, которую я заключил, чтобы спасти свою семью, или хотя бы то, что от неё оставалось. И ничего больше.

Я накинул на себя пиджак, машинально проверил карманы. Телефон, ключи от машины, портмоне. Всё на месте.

Я вышел из кабинета и закрыл за собой дверь. В тот же миг я оказался в центре безумного вихря. Толпа людей, танцующих в экстазе под оглушительную музыку, море выпивки, блеск бриллиантов и голые тела. Ко мне тут же начали липнуть какие-то девицы, причмокивая и заглядывая в глаза:

– Какой красивый, серьёзный мужчина...

Я лишь холодно посмотрел на них и отчеканил:

– Руки...

Девушки попытались что-то сказать, но я их уже не слышал. Мне было плевать. Я просто хотел вырваться из этого ада, побыть в тишине.

Когда я оказался снаружи, вечерело. Взглянул на часы, около семи часов вечера. Московский майский воздух ударил в нос, пропитанный шумом и запахами центра столицы. Вдохнул полной грудью. Казалось, даже воздух здесь был пропитан деньгами и пороком.

Подумал о том, что из десяти лет работы на криминальных авторитетов осталось всего семь. Семь лет рабства, семь лет унижений, семь лет жизни в страхе. Почувствовал, как циничная усмешка исказила мои губы. Семь лет... Целая вечность. И что будет потом? Смогу ли я смыть с себя всю эту грязь? Или она навсегда останется на моей коже, отравляя мою душу?

Глава 7. Адам

Я снова вздохнул полной грудью, пытаясь прогнать липкое ощущение безысходности, осевшее в груди. Вечерний воздух Москвы, напоённый выхлопами и оглушительными звуками, казался сегодня особенно гнетущим. Подошёл к своему автомобилю – чёрному, брутальному Рейндж Роверу. Полностью тонированные стекла скрывали салон от любопытных взглядов.

Открыл дверь и погрузился в привычную атмосферу роскоши. Запах дорогой кожи, тонкий аромат дерева в отделке, приглушённый свет. Мой кокон, моя крепость, хотя и здесь меня не покидало чувство, что за мной наблюдают. Откинул солнцезащитный козырёк и опустил зеркало. Встретился взглядом с отражением.

На меня смотрел мужчина в самом расцвете сил. Правильные черты лица, доставшиеся от матери-немки, делали меня скорее похожим на европейца, чем на русского. Высокий лоб, прямой нос, волевой подбородок. Единственное, что выдавало во мне славянские корни – тёмно-русые волосы. Самый распространённый цвет, никакой фантазии. Я даже не знал, в кого такой цвет. Отец был блондином, мать-немка – рыжей. Впрочем, это было не важно.

Глаза. Зелёные глаза, сейчас вспыхнувшие привычным

цинизмом в отражении зеркала. Девушкам нравилось многое в моём облике, но, кажется, именно этот циничный блеск в глазах притягивал их сильнее всего. Он говорил им о силе, о власти, о том, что я не верю в сказки.

Интересно, если бы я был толстым, уродливым, отвратительной наружности, они клеились бы ко мне так же? Так же позволяли бы делать с ними всё, что я захочу? Трахать и играть с их телами до бесконечности? А может быть, если бы я бил их в постели, они бы тоже рассказывали о вечной любви?

И я понимал, что да, они бы позволяли. Стоило им узнать, кто я, и их глаза загорались ещё большим блеском, помимо привычной похоти. Блеск денег, власти, безнаказанности. Я видел его каждый день в глазах этих хищниц, готовых на всё ради кусочка моего пирога.

Запустил двигатель. Тихое рычание мощного мотора отозвалось внутри меня. Вырулил на улицу и направился в сторону дома, или, скорее, в сторону тех четырёх стен, которые я называл домом.

Пробка, как всегда. Проклятье всех успешных людей, вынужденных тратить драгоценные часы на бессмысленное стояние в мерзком заторе. Решил хотя бы на закат полюбоваться, всё равно делать нечего. Майский вечер, конечно, в Москве так себе, но хоть какое-то подобие природы. Опустил стекло, вдохнул этот коктейль из выхлопных газов и бетонной пыли.

И тут, как по заказу, справа от меня поравнялась какая-то малолитражка, откуда с воплями вывалились девицы. Похоже, у них праздник каждый день. Уже прилично навеселе, судя по раскрасневшимся лицам и расплывающимся взглядам. Ищут приключений, чего уж там.

Одна из них, самая смелая, высунулась из окна и прокричала:

– Эй, красавчик! Заскучал?

Я медленно повернул голову, окинул их ленивым взглядом и широко улыбнулся. Но ответил на чистом, безупречном немецком:

– Entschuldigung, ich verstehe kein Russisch. Sprechen Sie Deutsch? (Извините, я не понимаю по-русски. Вы говорите по-немецки?)

Лица девиц моментально вытянулись. Видно, такой поворот событий в их сценарий не вписывался. На секунду повисла тишина, нарушаемая только гулом моторов.

– Ты что, русский не знаешь? – наконец выдавила одна из них, явно сбитая с толку.

Я лишь покачал головой, продолжая улыбаться. Снова что-то быстро проговорил на немецком, добавив немного артистичной жестикуляции. Пусть думают, что я не понимаю ни слова.

В салоне малолитражки началось оживлённое обсуждение. Я наблюдал за ними, как за животными в зоопарке. Одна что-то яростно доказывала, другая крутила пальцем у вис-

ка, третья, самая прагматичная, изучала мой "Рейндж Ровер" с видом опытного оценщика.

– Да он стопудово иностранец! Тачка вон какая! Бабки есть, значит, надо брать!

– Не, ну прикольный, конечно, но если он по-русски ни бум-бум... Нафиг он нужен?

Их голоса доносились до меня обрывками фраз, но суть была ясна. Мой внешний вид, автомобиль и предполагаемое иностранное происхождение сделали своё дело. Они уже всю обсуждали, как меня "брат". Какие же они все одинаковые.

Мне нравилось наблюдать за этим представлением. Как легко они велись на блестящую обёртку. Как быстро переключались с наигранной невинности на банальный расчёт.

Это было для меня неким спектаклем, в котором я играл роль богатого иностранца, а они – наивных охотниц за чужими деньгами. Мне нравилось дёргать за ниточки их желаний, нравилось наблюдать, как они стараются понравиться, как их глаза загораются алчным блеском.

Усмехнувшись, я прибавил громкость музыки в салоне и отвернулся к окну. Пробка медленно тронулась. Малолитражка осталась позади, а вместе с ней и этот маленький театр абсурда. Но в голове остался лишь циничный осадок. Мир полон хищниц, готовых на всё ради кусочка чужого пирога. И я, к сожалению, прекрасно это знаю.

Погрузившись в свои мысли, я не сразу заметил, как на

телефон звонят. Прикрутив громкость, я схватил телефон и коротко отчеканил:

– Да?

На другой линии я услышал мужской, безэмоциональный голос. Начали рассказывать про какую-то аварию. Я сосредоточено вёл автомобиль, слова стали постепенно доходить до моего сознания, пока наконец мужчина не сказал последнее предложение, с каким-то надрывом в голосе. Информация достигла своей цели: «Мой брат... авария, несчастный случай, Ева в больнице... мертвы».

Я резко затормозил. Сзади в меня чуть не влетела машина, но я слушал будто сквозь толщу воды. Я слышал, как мне гневно сигналили, чтобы я двинулся дальше и не создавал больше затора, но мне необходимо было справиться с внутренним напряжением. Нужно собраться. Нельзя давать волю чувствам.

Я потянул за узел галстука, мне показалось, будто он меня душит, просто пытается лишить меня воздуха. Неужели это правда? Не может быть...

И потом, прохрипел в трубку, не узнавая своего голоса:

– Как умерли? Может... это какая-то ошибка?

Но по ту сторону линии мужчина, врач, заверил... что это не ошибка, что это реальность. Жестокая, нелепая реальность. Смерть брата... Это было как удар под дых. Мы не были близки в последнее время, и всё из-за его роковой ошибки. Но он был моей семьёй. Единственной, кто у меня

остался помимо матери.

— Где Ева? — проговорил я, уже более-менее справившись с первым шоком. Ева... моя племянница, моя маленькая мышка, которая всегда тянулась ко мне в детстве. Я должен что-то предпринять. Я должен помочь ей.

— В какой больнице Ева? Она... жива? Она... сильно пострадала?

Мужчина продиктовал мне адрес. Боже, какая дыра... я должен достать её оттуда, чего бы мне это ни стоило. Радовало то, что с Евой, относительно, всё в порядке, как меня заверил врач, сотрясение мозга, шок и несколько ушибов.

Сзади всё ещё сигналили машины, но мне было плевать. Ещё мужчина сказал, что звонил всем родственникам нашим общим с Евой, и по линии её бабушки, но те отказались взять над ней опеку. Как же это было нелепо и несправедливо, учитывая то, что вчера этой мышке исполнилось шестнадцать.

Боже, моё поздравление с надписью — "Думай о будущем!" теперь казалось каким-то издевательским. Мои руки дрожали, я сам не мог поверить до конца, что такое случилось, это казалось чем-то нереальным. Но я знал своего брата, знал его беспечность, знал, что он пьёт, пропивает свой облик. Но это была его жизнь. Он и так втянул меня в самое дерьмо. Из-за него моя жизнь — постоянный прицел. Я — марионетка для влиятельных криминальных авторитетов, да, абсолютно ничтожен и жалок даже в своих глазах. А вот брат... просто решил втягивать в алкогольную зависимость себя сам.

– Я сейчас же приеду... она моя племянница, и я возьму над ней опеку.

В моём голосе звучала сталь. Я решил, и точка! И, не дожидаясь ответа, скинул трубку.

Резко включил поворотник и, игнорируя гневные клаксоны, вывернул руль, направляясь в сторону больницы. Мне нужно было увидеть Еву, убедиться, что с ней всё в порядке.

И да, я, конечно, не был идеальным опекуном. Моя жизнь была далека от той, которую я хотел бы для неё. Но я не мог позволить ей остаться одной, брошенной в этой дыре, окружённой безразличием и, возможно, корыстью. Я должен был вытащить её из этого болота, дать ей шанс на нормальную жизнь. Хотя бы попытаться.

Идея стать опекуном шестнадцатилетней девочки, выбивала меня из колеи, и казалась абсурдной, словно я сплю и вижу странный сон. Но чувство долга перед семьёй, перед братом, которого уже не вернуть, пересиливало. Я вырулил на встречную полосу, наплевав на правила и возможные штрафы. Сейчас это было неважно. Важна была Ева.

Проносясь по улицам Москвы, я размышлял о том, что ждёт меня впереди. Бессонные ночи? Постоянные истерики? Попытки понять мир подростка, который, казалось, живёт на другой планете? Возможно. Но я был готов ко всему. Ради неё.

Глава 8. Адам

Ночная Москва неслась мимо, калейдоскоп огней и теней. Мимо сверкающих витрин бутиков, мимо неоновых вывесок ночных клубов, таких же, как мои собственные – прибыльные, грязные, опасные. В голове мелькнула мысль: нужно что-то купить Еве. Что-то, что поднимет ей настроение. Не это больничное месиво, которым её пичкают, а что-то вкусное, настоящее.

Свернул в ближайший круглосуточный супермаркет. Автоматические двери разъехались, впуская меня в оазис яркого света и навязчивой музыки. Пробежался глазами по полкам. Шоколад? Слишком банально. Фрукты? В больнице их наверняка полно. Зацепился взглядом за витрину с выпечкой. Свежие круассаны с шоколадом, фруктовые тарталетки, нежные пирожные...

Взял всего понемногу, наполнив корзину. Пусть выберет сама.

Расплатившись на кассе, снова нырнул в машину. Пакет с вкусностями положил на заднее сиденье. В голове роились мысли. Рада ли она будет меня видеть? Три года... Три года молчания. Последний раз мы общались, когда она была тринадцатилетним подростком. Сейчас ей шестнадцать. Почти взрослая. Что я ей скажу? Как объясню своё отсутствие?

Чёрт, я ведь понятия не имею, что сейчас у неё в голове. Она, наверное, ненавидит меня. За то, что бросил её отца. За то, что отвернулся от них обоих. Но я не мог иначе. Не мог допустить, чтобы она тоже погрязла в этом дерьме. Не мог позволить своим криминальным связям коснуться её.

Но теперь... теперь у меня просто не оставалось выбора. Я должен оградить её от этого. И буду оберегать её, любой ценой.

Припарковался возле обшарпанного здания больницы. Место, словно выплюнутое из чрева ада. Стены облуплены, окна грязные, в воздухе витает запах хлорки и безнадёги. И здесь моя племянница...

Выдохнул. Нужно взять себя в руки. Нельзя показывать ей свой страх. Нельзя давать волю эмоциям. Я должен быть сильным. Ради неё.

И в душе я надеялся, что она не будет долго злиться на меня за это. Не хотелось войны ещё с подростком.

Выйдя из машины возле обшарпанного здания больницы, я схватил пакет со сладостями с заднего сиденья и направился к входу. Внутри меня встретила такая же тишина и обшарпанность.

Стены были выкрашены в грязно-белый цвет, в углах виднелись следы сырости, а в воздухе стоял удушливый запах лекарств и дезинфицирующих средств. Я явно выделялся на фоне этой унылой картины. Мой дорогой костюм, начищенные до блеска ботинки и уверенный взгляд казались здесь

чем-то чуждым, и все взгляды были направлены на меня. Но мне было плевать, что обо мне подумают. Единственное, что имело значение – это Ева.

Я подошёл к стойке регистрации, за которой сидела пожилая женщина в застиранном халате. Её лицо выражало усталость и безразличие.

– Добрый вечер. Я хотел бы узнать, в какой палате находится Ева Исаева, – произнёс я, стараясь говорить ровно и спокойно.

Женщина взглянула на меня смеривающим взглядом, затем открыла потрепанную тетрадь и начала листать страницы.

– Исаева... Исаева... Сейчас посмотрим.

Прошло несколько томительных секунд, прежде чем она нашла нужную запись.

– Да, есть такая. Она поступила сегодня после аварии.

– Как она? – невольно вырвалось у меня.

– Ну, как сказать... В шоковом состоянии была, конечно. После укола снотворного и успокоительного немного пришла в себя.

Услышав про снотворное и успокоительное, я почувствовал, как во мне закипает гнев. Чем они тут её пичкают, чтобы заглушить её боль и страх? Я с трудом сдержал себя, чтобы не наброситься на эту женщину с расспросами.

– Понимаю. В какой она палате?

– Палата номер 307, на третьем этаже. К ней, кстати,

недавно пришла подруга, Екатерина, одноклассница, кажется. Так что она там не одна.

Я кивнул, стараясь не выказывать своих эмоций. Подруга... Хорошо, что у неё есть кто-то рядом.

– Спасибо, – коротко бросил я и направился к лестнице.

Поднимаясь по ступеням, я размышлял о том, что меня ждёт. Как я буду разговаривать с Евой? Что ей скажу? Смогу ли я вообще хоть как-то облегчить её боль?

Ночная Москва осталась позади, а я уже стоял перед дверью палаты 307, держа в руках пакет со сладостями. Сделал глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в руках.

Дверь была приоткрыта, и я, собираясь постучать, услышал голос Евы. Точнее, не только её. Говорила ещё какая-то девушка, видимо, та самая подруга, о которой упомянула женщина на ресепшене.

Я замер, не решаясь войти. Голос Евы звучал достаточно громко, и в нём сквозили раздражение, ненависть и негодование. Я бы ни за что не узнал этот голос. Он был слишком... женственным, что ли. Раньше у Евы был звонкий, детский голосок, а сейчас... Сейчас это был бархатный, мелодичный голос, в котором проскальзывали стальные нотки. Непривычно было слышать такое из уст собственной племянницы.

Я невольно прислушался к разговору.

– Лучше в детдом, чем жить с ним, – услышал я слова Евы. – Я его ненавижу. Он – это худшее, что могло случиться в моей жизни. Лучше детский дом.

Эти слова больно ударили меня в грудь. Я, конечно, ожидал её недовольства, но не такого презрения и ненависти. Хотя, если честно, я это заслужил. Это так.

– Не говори глупости, – ответила ей подруга. Я видел только её спину, но голос звучал успокаивающе. – Твой дядя богатый, влиятельный. У тебя наверняка всё будет с ним, получишь лучшую жизнь, образование, о котором мечтала.

– Да пусть катится к самому чёрту! – закричала Ева. – Он бросил меня, бросил отца! Не простил какие-то долги, и после этого я должна быть ему благодарна? Не нужны мне его подачки, ничего мне от него не надо...

– Но ты же его любила, – прозвучал удивлённый голос её подруги. – Ты всегда рассказывала, какой он замечательный, красивый, обаятельный...

– Это всё в прошлом, – ответила ей Ева, с ещё большим раздражением в голосе.

Я стоял как вкопанный. Кажется, племянница совсем не хочет меня видеть. Выросла настоящей маленькой фурией, совсем не той "мышкой", которой я её помнил. Всё это было чертовски сложно.

Прокашлявшись, я всё-таки постучал, привлекая к себе внимание, и вошёл внутрь.

Девушка, та самая подруга, Екатерина, тут же вскочила с места и уставилась на меня. Да, она сразу поняла, кто пришёл.

А Ева... просто прожигала меня взглядом своих серых

глаз. Стоит заметить, удивительных, серых глаз. Я невольно залюбовался ею.

Да, даже в таком виде она излучала юность и хрупкость. Я помнил её ещё ребёнком, и в последний раз – тринадцатилетним, нескладным подростком.

Сейчас же она повзрослела, фигура, судя по всему, принимала женственные черты. Я невольно взглянул на лицо, на сжатые в тонкую линию губы, на светлые, длинные волосы. На них были следы крови... Мне стало страшно, что же она пережила?

Я посмотрел на датчики, прикреплённые к её тонким, бледным рукам, на катетеры. Она была такой хрупкой внешне... Но этот взгляд... Да, он говорил сам за себя. Она меня ненавидит.

Ева действительно оказалась симпатичной молодой девушкой, как я и предполагал, как я ей и говорил в детстве.

И сейчас... Эта юная девушка потеряла отца и мать. Я потерял брата. И я не собираюсь мириться с её ненавистью. Пусть ненавидит, хорошо... Но она будет жить так, как должна, и никакая ненависть не остановит меня перед этим стремлением обеспечить ей лучшее будущее.

– Ну, всё, Ева, я пойду, наверное, – быстро проговорила Екатерина, избегая моего взгляда. – Я позвоню тебе завтра, хорошо? Ты держись.

Она торопливо обняла Еву, пробормотала что-то вроде "Всё будет хорошо" и, бросив на меня мимолетный, немного

испуганный взгляд, спешно покинула палату.

Я остался наедине с Евой. Её частое дыхание отдавалось в тишине, грудь вздымалась и опадала слишком быстро. Взгляд прожигал меня насквозь.

– Ева... – начал я, но она резко перебила.

– Не подходи, – прошептала она, пытаясь отодвинуться на кровати. Безуспешно. Ева попыталась вырвать капельницы, сорвать приборы, но я опередил её, перехватив её руки.

Я сжал её ладони, достаточно крепко, чтобы остановить. Мой взгляд скользнул вниз, к её запястьям. Следы от ногтей. Неужели она причинила себе вред?

– Что это? – спросил я, голос звучал холодно и грубо.

Ева вздрогнула и прошипела:

– Не твоё дело.

Глава 9. Ева

Его рука, обхватившая мои ладони, обжигала хуже раскалённого железа. Там, где он касался меня, вспыхивал пожар, и по телу разливался ледяной электрический ток. Моя грудь вздымалась слишком часто, и я не понимала, то ли от ненависти к нему, то ли от его присутствия рядом. Как же я его ненавижу. Ненавижу всем сердцем, каждой клеткой. Я подняла глаза, прожигая его ненавистью, и утонула в зелени его глаз. Боже, ну почему он такой красивый? Дьявол. Просто дьявол во плоти.

– Не прикасайся ко мне, – прошипела я, чувствуя, как его тепло, несмотря на мою ненависть, проникает под кожу. Кожа горела там, где он держал меня. В каждом слове, в каждой букве плескалось презрение.

Он нахмурился ещё больше, его глаза сузились, опасно сузились. Я никогда не видела его таким... злым. Я вывела его из себя? Прекрасно... я этого и добивалась. Пусть ощутит всю силу моей ненависти, всю ту боль, что он причинил мне и отцу. Я почувствовала, как его хватка усиливается, пальцы впиваются в мои запястья, но он словно сдерживает себя, борясь с желанием причинить мне боль в ответ.

Неожиданно он разжал пальцы, словно обжёгся. Облегчение волной прокатилось по телу, но вместе с ним... стран-

ное, непонятное разочарование. Что за чушь? Я же хотела, чтобы он отпустил меня! Я одёрнула себя, напомним, как сильно я его ненавижу. Нельзя давать слабину. Место, где он касался меня, покалывало, и я невольно потёрла запястья, избавляясь от фантомного ощущения его прикосновения.

Он отступил на шаг, словно я могла его укусить. Его лицо стало непроницаемым, и в его голосе слышались стальные нотки, когда он сказал:

– Не делай так больше. Не причиняй себе вред, Ева. Тебе не за что себя наказывать.

Фыркнув, я демонстративно отвернулась к окну, стараясь скрыть дрожь в губах и гусиную кожу на руках. Как он смеет читать мне нотации? Как будто он имеет на это право! Я скрестила руки на груди, пытаюсь остановить мелкую дрожь.

В поле зрения возник красочный пакет. Он протягивал мне сладости. Лицемер!

– Мне ничего от тебя не надо, – процедила я сквозь зубы, срываясь с места.

Схватив пакет, я запустила его в него со всей силы. Пончики угодили ему прямо в лицо, рассыпавшись мучной пылью по дороговому костюму. Его глаза расширились от неожиданности. На лице застыло ошеломлённое выражение, сменившееся полным замешательством. Секунду он стоял, словно громом поражённый, а потом в глазах плеснул опасный блеск. В этот момент я поняла, что перешла черту.

Я замерла, пригвождённая к месту его взглядом. Он мед-

ленно, не отрывая от меня взгляда, полез в передний карман пиджака. Каждое его движение, плавное и хищное, заставляло меня сжиматься внутри. Мои ладони вспотели, а сердце бешено колотилось.

Вот он достал белоснежный шелковый платок и начал тщательно вытирать лицо от мучной пыли и пудры. Презрительно скривившись, вытер уголки губ. Он выглядел... опасным. Я видела, как напряжены мышцы на его шее, как сжаты челюсти. Он сдерживался, и это было страшно.

Я лежала на кушетке, парализованная, не в силах отвести от него взгляда. Сердце колотилось, как бешеное, от смеси страха и... чего-то ещё, чего я не могла (или не хотела) признавать. Воздух в комнате словно загустел, и я чувствовала его запах – смесь дорогого одеколона и... чего-то первобытного, властного.

– Похоже, мой брат совсем не занимался твоим воспитанием, – медленно проговорил он, отбрасывая платок в сторону. Его голос был низким и бархатным, но в нём отчётливо слышалась угроза. – Боюсь, мне придётся взять это на себя, когда ты станешь моей подопечной.

От этих слов внутри всё похолодело. Подопечной? Никогда! Я скорее умру, чем буду обязана ему хоть чем-то. Я вжалась в кушетку, чувствуя себя в ловушке его слов.

– Этого никогда не будет, – выплюнула я, с трудом контролируя дрожь в голосе. – Я скорее пойду в детдом. Там я буду свободной и независимой!

Вместо ответа он лишь усмехнулся, и эта усмешка была хуже любой угрозы. В его глазах плясали опасные огоньки. Он сделал шаг ко мне, и я инстинктивно отшатнулась.

– Свободной и независимой? – передразнил он меня, поднимая бровь и сокращая расстояние между нами. – Ты наивно полагаешь, что это возможно? После всего, что произошло? Нет, милая Ева. Теперь я просто обязан взять над тобой опеку, чтобы научить тебя... вести себя подобающе. Чтобы ты больше не бросалась сладостями в лицо своим благодетелям. Поверь мне, у меня найдётся множество способов для твоего "воспитания".

Его слова об опеке прозвучали хуже смертного приговора. Я чувствовала, как внутри меня всё сжимается от отвращения и бессилия. Он возомнил себя моим спасителем? Он действительно думает, что я позволю ему контролировать мою жизнь?

В этот момент в палату вошёл врач. Тот самый, что вколол мне успокоительное и снотворное после известия о смерти родителей. Я до сих пор помнила его фальшивое сочувствие и лицемерную заботу. Ещё один придурок, решивший, что имеет право вмешиваться в мою жизнь.

– О, Ева, я вижу, к вам приехал дядя! – пропел он, оглядывая нас лучезарной улыбкой, не замечая напряжения, витающего в воздухе. – Как замечательно! Наконец-то, долгожданная встреча родственников. Мы всё обсудили, и теперь нужно решать вопрос с опекой.

У меня внутри всё вспыхнуло. Опека? Да никогда в жизни!

– Никакой опеки не будет! – выплюнула я, сжимая кулаки.
– Я ни за что не буду жить с этим...

Адам прервал меня, повернувшись к врачу. Он одарил его обворожительной улыбкой, от которой у меня по спине пробежали мурашки. Его глаза потемнели, и я почувствовала, как его внимание полностью сосредоточено на мне.

– Доктор, когда я смогу забрать Еву? – спросил он мягким, но уверенным тоном. – И можно ли будет перевести её в другую больницу, более... – он запнулся, словно подбирая слова. – Комфортную.

Врач понимающе кивнул, его взгляд скользнул по моей напряжённой фигуре.

– К сожалению, перевозить Еву нет необходимости. Уже через неделю мы сможем её выписать. Мы просто понаблюдаем за её состоянием. А так, она будет свободна.

Адам нахмурился, как будто эта новость его не обрадовала. Его взгляд скользнул по мне, оценивая.

– Хорошо, – коротко ответил он, бросив на меня мимолётный взгляд.

Я не могла больше молчать.

– Я не буду жить с ним! – крикнула я, дёрнувшись на кушетке. – Я его ненавижу! Слышите? Ненавижу!

Адам повернулся ко мне, его лицо оставалось непроницаемым. Потом он снова обратился к врачу, и в его голосе зву-

чала снисходительность.

– Не обращайтесь внимания, доктор. Она просто подросток. Это пройдёт.

Затем он снова посмотрел на меня, и в его глазах читалась сталь.

– Я не оставлю Еву в детском доме, – произнёс он твердо, обращаясь к врачу, но не отрывая взгляда от меня, словно давая клятву. – Я постараюсь быть ей тем опекуном, который обеспечит ей будущее.

Его слова прозвучали эхом в моей голове. Он решил мою судьбу, даже не спросив меня. Я чувствовала себя загнанной в угол, бессильной и бесконечно одинокой. Будущее, которое он мне обещал, было для меня самым страшным кошмаром. Я отвернулась, чтобы он не увидел слёз в моих глазах. Внутри бушевал шторм, и я знала, что это только начало нашей войны.

Врач и Адам ещё какое-то время обсуждали детали опекуинства, будто меня и вовсе не было в палате. Меня словно продавали и покупали, не спрашивая моего мнения. Меня передёрнуло от отвращения. Я чувствовала себя вещью, которую передают из рук в руки. Наконец, врач кивнул, что-то записал в своей папке и, бросив на меня сочувствующий взгляд, покинул палату. Мы остались одни.

Адам подошёл совсем близко ко мне, и присев на корточки возле моей кушетки так, чтобы я отчётливо видела его лицо, тихо произнёс:

– Я знаю, что ты злишься на меня, мышка, но я обещаю, что не оставлю тебя больше... поверь, у меня не было выбора... и я надеюсь, что ты меня за это простишь когда-нибудь...

Его голос звучал мягко, почти умоляюще, прося о прощении. Этот неожиданный контраст сбил меня с толку. Он словно пытался разбудить во мне жалость, но я не сдамся. Я сама вывела его на ярость, да, но я не собиралась его прощать. Боль от потери родителей, боль от трёх лет ада, которые я прожила – я не собиралась отпускать. Никогда. Он заплатит за всё, я так решила. Мой взгляд был прикован к его губам, таким чувственным и обманчивым.

Я наклонилась ещё ближе к нему, чувствуя его дыхание на своей коже. Запах его одеколona щекотал мои ноздри, вызывая странное, почти болезненное чувство. И тихо прошептала ему, выговаривая каждое слово:

– Я превращу твою жизнь в ад... так и знай...

В этот момент я почувствовала, как моё сердце бешено колотится в груди, а по телу пробегает дрожь.

Он лишь криво усмехнулся, не отрывая взгляда, словно говоря мне: "Посмотрим, кто кого". В его глазах я увидела вызов, предвкушение игры. И тогда я поняла, что он не боится, он даже рад этому. Что ж, тем интереснее будет моя месть.

Глава 10. Ева

Эта неделя в больнице тянулась нескончаемой пыткой. Каждое утро я просыпалась с одной и той же мыслью: сегодня снова придёт он. И он, разумеется, приходил. Его показушная опека вызывала у меня приступы тошноты. Как же он старался быть заботливым, участливым, словно ему не все равно. Лицемер. Он во всем этом виноват. Точка. Никаких «может быть» или «если бы».

И вот, день выписки. Я сидела на кушетке, уставившись в серую больничную стену, и ждала. Ждала, как казни. Наконец, дверь тихо скрипнула, и в палату вошёл он.

Адам.

Он был, как всегда, безупречен. Чёрный костюм сидел на нем идеально, подчёркивая широкие плечи и спортивную фигуру. Ткань, должно быть, стоила целое состояние. Его зелёные глаза, обычно мерцающие насмешкой, сейчас казались серьёзными, даже немного грустными. Но я не поддамся на эту игру. Тёмно-русые волосы, слегка волнистые, небрежно падали на лоб, придавая его образу какую-то... опасность.

– Доброе утро, Ева, – его голос был низким, бархатным. Он говорил так, словно мы были старыми друзьями, а не врагами.

– Сегодня тебя выписывают. Я заберу тебя домой.

Домой? Этот человек называет своим домом то место, где я должна буду жить?

Он поставил на кровать большой пакет, вероятно, с одеждой. Я даже не взглянула в его сторону.

– Мне ничего от тебя не нужно, – процедила я сквозь зубы, глядя в окно.

Уголки его губ слегка дрогнули, намекая на снисходительную улыбку.

– Это пройдёт, Ева. Я понимаю, тебе сейчас тяжело.

Он сделал шаг ко мне, и его взгляд стал серьёзным, даже мрачным.

– Теперь я в ответе за тебя. Твой отец... мой брат хотел бы, чтобы я позаботился о тебе.

Я вскочила с кушетки, как ужаленная.

– Заботиться? Ты просто хочешь откупиться! Тебе стыдно за то, что ты бросил нас, и теперь ты пытаешься искупить вину!

Я смотрела на него, задыхаясь от ярости. Он стоял молча, его лицо оставалось непроницаемым. Я видела, как напряжены мышцы его челюсти, как сжаты кулаки. Ему было что сказать, я это чувствовала, но он молчал.

– Ты думаешь, деньги всё решат? Ты думаешь, купишь мне новую жизнь своими подачками? – Я чувствовала, как слёзы подступают к глазам, но не собиралась их показывать.
– Я не нуждаюсь в твоей жалости! Я сама справлюсь!

Он вздохнул, и в его глазах мелькнула какая-то усталость.
– Ева, послушай...

– Не смей произносить моё имя, – прошипела я. – Ты для меня никто. Ты тот, кто предал мою семью. Ты должен был быть с нами, но ты выбрал свою... другую жизнь. И теперь ты думаешь, что можешь просто вернуться и всё исправить?

Его внезапное движение лишило меня остатков самообладания. Адам наклонился так близко, что я почувствовала тепло его дыхания на своей коже. Его руки, сильные и уверенные, упёрлись в металлические поручни больничной койки. А этот запах – терпкий микс дорогого одеколона и чего-то неуловимо мужского, волной накрыл меня. Я невольно затаила дыхание, пытаюсь удержать равновесие.

Его взгляд... Этот взгляд прожигал меня насквозь, заглядывая в самую душу. В нём читалась и боль, и гнев, и какая-то неприкрытая, пугающая решимость. Он смотрел на меня так, словно видел все мои слабости и страхи, каждую трещинку в моей броне.

– Да ты хоть представляешь, какой жизнью ты жила? – Его голос был тихим, но в нём чувствовалась стальная хватка, заставляющая меня вздрогнуть. – Как ты думаешь, откуда у твоего отца, моего брата, брались деньги на содержание машины, на еду, на всё остальное, что у тебя было? Как ты думаешь? Если твои родители оба не работали!

Его слова хлестнули меня, как пощёчина. Я растерянно хлопала глазами, не понимая, как такое возможно.

– Мы... мы постоянно брали в долг еду у продавщиц из соседнего магазина, – пролепетала я, чувствуя, как щёки заливает краска стыда. – Так что еда была в долг... А деньги... Я не знаю, где они их брали... Может, какая-то заначка была...

Уголок его губ скривился в презрительной усмешке.

– Заначка? Наивная ты девочка, Ева. Я переводил деньги твоей матери. Регулярно. Оплачивал долги в магазинах, чтобы ты хоть что-то ела. И в школу ты ходила не самую плохую, только потому, что я оплатил и это. Так что да, я бросил вас... Но не так, как ты сейчас это говоришь.

Я отшатнулась, как от удара током. Всё плыло перед глазами. Неужели всё это время... Нет, это не может быть правдой. Он лжет! Он просто пытается оправдаться!

– Мне плевать, – выпалила я, отворачиваясь от него. Слезы всё-таки просочились сквозь ресницы, оставляя предательские мокрые дорожки на щеках. – Мне плевать, откуда брались деньги, мне плевать на все твои подачки! Это ничего не меняет! Ты всё равно для меня никто.

На секунду воцарилась тишина, оглушительная и давящая. Я чувствовала на себе его взгляд, но не могла заставить себя посмотреть на него.

Наконец, я услышала, как он тяжело вздохнул, и почувствовала, как его руки отстранились от кровати. Как не странно, но мне стало холоднее.

– Одевайся. Будь готова через пятнадцать минут.

Он развернулся и, не проронив больше ни слова, вышел из палаты, оставив меня наедине с моими разочарованием и новыми, свалившимися на меня, шокирующими секретами.

Я вздохнула и с какой-то обречённой покорностью открыла пакет. Там лежало обычное бельё, правда, чувствовалось, что дорогое. Никаких кружев и рюшечек, просто качественный хлопок. Брендовые джинсы, такая же футболка, чёрная косуха, расчёска и резинки для волос.

Я скривилась, разглядывая вещи. Дьявол. Он даже знает, что модно, что бы мне понравилось. Неужели он сам это выбирал? Мысль о том, что Адам мог стоять в бутике и выбирать мне бельё, заставила мои щёки вспыхнуть. Надеюсь, это делали его помощники по дому... Или кто-то из прислуги. Но мысль была навязчивой, и от неё становилось некомфортно.

Не теряя времени, я надела джинсы и футболку. Они сидели идеально, словно сшиты по моим меркам. Это раздражало ещё больше. Косуху накинула поверх, чувствуя себя немного более защищённой в этой броне. Расчесала волосы и завязала высоким хвостом. Никаких сложных причёсок, ни желания выглядеть лучше.

Подошла к зеркалу. Вид, конечно, был неважный. Светлые волосы вчера помыла, но лицо оставалось бледным, синяки под глазами никуда не делись. Даже тон не спас бы. Серые глаза казались безжизненными.

«Замечательно выгляжу» – пронеслось в голове с сарка-

стичной иронией. Мало того, что отправляюсь к дяде в его логово, так ещё и каникулы через неделю, а там я проведу с ним всё лето. Прекрасно! Просто великолепно!

Я ненавидела, что должна была ему подчиниться. Ненавидела свою беспомощность и зависимость от этого лицемерного человека. Я пообещала себе, что ни за что не покажу ему свою слабость, что ни за что не дам ему увидеть, как меня задевают его слова. Я буду сильной, я справлюсь.

Взяла сумку с вещами, что у меня были и направилась к выходу из палаты.

Адам стоял в коридоре, ожидая меня. Когда я вышла из палаты, он обернулся, окидывая меня оценивающим взглядом. В выражении его лица мелькнуло что-то, похожее на лёгкое удовлетворение. Меня передёрнуло. Он смотрел на меня, как на вещь, которой теперь владел. Мерзкое чувство собственности, исходившее от него, было почти физическим.

– Вижу, ты готова, – констатировал он, и я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Его голос звучал слишком ровно, слишком уверенно, словно он заранее знал, что я никуда не денусь.

– Пошли, – бросил он, разворачиваясь. Каждое его слово, каждое его движение вызывало во мне бурю негодования. Я шла за ним, словно на заклятие, чувствуя себя абсолютно беспомощной в его руках.

Выйдя из больницы, мы остановились перед роскошным

Рейндж Ровером. Меня перекосило от злобы. Пока мы с отцом ютились в нашей старой ладе-колымаге, этот... разъезжал на такой машине. Естественно. Всегда было так. Он жил в мире роскоши, а мы барахтались в нищете. А теперь, когда отца не стало, он решил сыграть роль благодетеля.

Адам открыл переднюю дверь машины, приглашая меня сесть рядом с ним. Я демонстративно проигнорировала его жест и, обойдя машину, открыла заднюю дверь. Уселась на сиденье с выражением глубочайшего презрения на лице.

Предоставлю ему роль личного водителя. Чтоб не расслаблялся.

В зеркале заднего вида я видела, как уголки его губ слегка приподнялись в усмешке. Весело ему, ничего, он ещё повеселится. Я приготовила для него достаточно сюрпризов.

Он сел за руль, и машина плавно тронулась с места. В салоне повисла тишина, напряжённая и невыносимая. Я смотрела в окно, стараясь не замечать его присутствия, но чувствовала каждый его взгляд, ощущала его энергию, давящую и властную.

Наконец, он прервал тишину, и в его голосе послышались стальные нотки:

– Теперь ты будешь жить у меня. И с этого момента твоя жизнь – моя ответственность.

Надеюсь, глава вам понравилась! Если так — поделитесь впечатлениями в отзыве, мне очень важно ваше мнение.

Глава 11. Адам

Я сидел за рулём Рейндж Ровера, ощущая этот дорогой кожаный руль как что-то чужое, слишком комфортное. Заткнулся в этот комфорт. В зеркале заднего вида я наблюдал за Евой. Она сидела, отвернувшись к окну, будто я был заразной болезнью. Она выросла... превратилась в настоящую колючку. От той наивной, смешливой девчушки, которую я помнил с детства, не осталось и следа. Впрочем, чего я ожидал?

Я видел её краем глаза в зеркале заднего вида, и не мог не отметить, как дерзко на ней сидели вещи, которые я оставил для неё в палате. Подбирала их ассистентка, конечно, но финальное одобрение было за мной. Я старался представить, что бы она выбрала сама, если бы у неё была возможность. Наверное, что-то менее... броское. Она казалась слишком дикой, чтобы носить что-то кричащее, слишком настоящей.

Когда-то я называл её "мышкой". Сейчас это прозвище звучало бы как издёвка. Скорее маленький тигрёнок. Или волчонок, ощерившийся против всего мира. Маленькая дикарка, истерзанная горем и разочарованием. И вся эта ненависть была направлена на меня.

«Это пройдёт,» – пронеслось в голове глупое, успокаивающее клише. Но я должен был в это верить. Я должен был

быть уверенным, что она перерастёт эту ненависть, что сможет найти в себе силы жить дальше. Даже если для этого мне придётся стать её личным врагом.

Мы ехали по утренней Москве. Майский день дышал свежестью и обещанием тепла, но в салоне нашего Рейндж Ровера было холодно. Город просыпался, мимо проносились спешащие на работу люди, яркие витрины приветствовали первых покупателей. А мы молчали. Каждому из нас было что сказать, но между нами лежала пропасть, которую в одночасье не перепрыгнешь.

Я знал, что она думает обо мне. Читал это в её взгляде, в каждом её движении. Предатель. Лицемер. Бросил семью на произвол судьбы, а теперь вернулся, чтобы откупиться. И в какой-то степени она была права. Я чувствовал вину.

Но я не мог объяснить ей всего. Не мог рассказать о тех компромиссах, на которые мне пришлось пойти, о тех жертвах, которые я принёс ради семьи, пусть и издалека. Она бы не поняла. Ей нужно было время, чтобы увидеть правду, чтобы понять, что я не монстр, каким она меня сейчас считала.

Наконец, мы свернули с шоссе и поехали по тихой, усаженной вековыми соснами дороге. Вскоре впереди показался мой особняк. Высокие кованые ворота распахнулись, пропуская нас на территорию. Аккуратные газоны, мраморные дорожки, фонтан, бьющий в самом центре парадного двора... Всё это выглядело внушительно, даже помпезно.

Я знал, что этот дом производит впечатление. Он был сим-

волом моего успеха, моей власти. Но в то же время он был холодным. Бездушным.

Я понимал это. И Ева тоже поймёт. Здесь не было тепла, уюта, запаха свежей выпечки и смеха детей. Здесь была только дорогая мебель, произведения искусства и приглушённые голоса прислуги. У меня не было настоящей семьи, чтобы наполнить этот дом жизнью. И вот, теперь я собирался поселить сюда её.

Я остановил машину перед главным входом. Слуги уже стояли на крыльце, ожидая нас. Пока я обходил машину, чтобы открыть ей дверь, Ева вышла сама. Она окинула взглядом особняк. Ничего не пропустила – ни высоты потолков, ни дорогих отделочных материалов, ни отполированного до блеска мрамора. И её презрительное выражение лица говорило само за себя.

– Добро пожаловать в склеп, – процедила она, не глядя на меня. "В склеп". И ведь не поспоришь.

Я прочистил горло, стараясь сохранить ровный тон.

– Ева, – сказал я, стараясь вложить в это обращение как можно больше мягкости, – это твой дом теперь. И я надеюсь, что ты сможешь почувствовать себя здесь... комфортно. Да, сейчас сложно, понимаю. Но дай нам обоим время.

Видел, как она закатила глаза. Классика. Я ожидал чего-то подобного. Ей, наверное, казалось, что я читаю заученный текст, и, вероятно, отчасти так и было. В глубине души я понимал, что все мои слова – это лишь слабые попытки загла-

дить вину, которая сидела во мне глубоко, как заноза. Но что мне оставалось? Я должен был хоть что-то сделать.

– Пойдём, – предложил я, кивнув в сторону распахнутых дверей.

Вся прислуга исчезла в глубине дома, оставив нас наедине с этой помпезной пустотой. Я направился к лестнице, ведущей на второй этаж, и жестом показал ей следовать за мной. Она двинулась следом, не отставая, но и не приближаясь, словно между нами была натянута невидимая, но осязаемая стена.

На втором этаже я остановился перед одной из дверей.

– Это твоя комната, – сказал я, толкая дверь и пропуская её вперёд.

Комната была оформлена в светлых, пастельных тонах. Огромная кровать под балдахином, пушистый ковёр у ног, элегантный туалетный столик с зеркалом в полный рост. Всё было новым, безупречным, и, уверен, абсолютно чужим для неё.

Ева окинула комнату критическим взглядом. Я видел, как её губы презрительно скривились.

– Как мило, – процедила она сквозь зубы, – прямо как в дорогом борделе.

Я усмехнулся, не показывая, что меня немного задела её слова.

– И откуда в тебе столько цинизма, мышка? – спросил я, стараясь придать своему голосу оттенок шутливости.

Старое прозвище сорвалось с языка случайно. Я тут же пожалел об этом, увидев, как её глаза наполнились яростью.

– Не смей меня так называть, – прошипела эта дикая кошка. – Я тебе не мышка.

– Нет, конечно, – согласился я, не отрывая от неё взгляда. – Скорее, маленький дикий котёнок. Ногти выпустила, спину выгнула. Кто бы мог подумать, что из тихони вырастет такой зверь...

Она ещё сильнее стиснула зубы.

– Я не котёнок, – отрезала она.

Я вздохнул. Спорить с ней сейчас было бесполезно.

– Как знаешь, – сказал я, махнув рукой в сторону гардеробной. – Вещи для тебя подготовлены. Думаю, там найдётся что-нибудь подходящее. Спускайся к завтраку.

И, не дожидаясь её ответа, я вышел из комнаты, оставив её наедине со своими мыслями. Я знал, что она сейчас чувствует. Ярость, боль, разочарование. Но я был уверен, что время залечит её раны. Нужно было просто перетерпеть. Переждать эту бурю.

Она всё ещё ребёнок, и её злость – это лишь способ защититься от мира, который разрушился у неё на глазах. Мне оставалось лишь быть терпеливым и дать ей пространство. И, конечно, не забывать о том, что даже самый дикий котёнок рано или поздно захочет ласки.

Я спустился вниз, чувствуя себя выжатым лимоном. Разговор с Евой высосал из меня остатки энергии. Понимал, что

это только начало, но чертовски устал. Снял пиджак, ослабил узел галстука. Здесь, в этом огромном доме, я чувствовал себя таким же одиноким, как и в своих кабинетах ночных клубов. Только там я мог хотя бы притвориться, что занят делом, а здесь приходилось смотреть в лицо своим ошибкам и их последствиям.

За завтраком мы не встретились. Да я и не ждал. По привычке выпил чашку крепкого кофе и ограничился тостом с маслом. Аппетита не было. Вместо этого принялся названивать помощнику, нужно было разрулить накопившиеся дела, хотя бы частично. Чувствовал себя дёрганным, но старался говорить спокойно, отдавая чёткие распоряжения. Хотелось отвлечься, зарыться в работу с головой, но чувство ответственности перед Евой не давало мне этого сделать.

Приближалось время обеда. Я прошёл в столовую, обвёл взглядом натёртый до блеска стол, расставленные приборы, идеальную сервировку. Подумал – это всё так бессмысленно. Хотелось чего-то настоящего, живого.

Вскоре появилась Анна, старшая горничная, неизменно вежливая и вышколенная.

– Адам Александрович, что желаете на обед? – поинтересовалась она, склонив голову.

Я на секунду задумался. Ева, наверное, сейчас не оценит изыски высокой кухни.

– Приготовьте что-нибудь простое, – ответил я. – Борщ со сметаной, вареники с картошкой и грибами. И салат из

свежих овощей.

Анна кивнула, записывая мои указания в блокнот.

– Может быть, позвать Еву? – робко предложила она.

Я посмотрел на неё внимательнее. В её глазах читалось сочувствие. Она, наверное, уже всё поняла.

– Да, конечно, – ответил я. – Скажите, что обед готов и я жду её.

Анна удалилась, а я подошел к окну. За ним раскинулся ухоженный сад, яркие пятна тюльпанов перемешивались с сочной зеленью газона. Май в Подмосковье – это всегда красиво. Но даже эта красота не могла заполнить пустоту внутри меня.

Я присел за стол, машинально перекладывая вилку. Время тянулось медленно. Представлял, как сейчас Ева сидит в своей комнате, полная гнева и обиды. Интересно, думает ли она обо мне?

Вскоре я услышал шаги. Сердце почему-то забилось чаще. Поднял голову и увидел её.

Она стояла в дверях, опираясь о косяк, и смотрела на меня с вызовом. На ней были рваные джинсы, чёрная футболка с вызывающим принтом и массивная цепь на шее. Поверх этого бунтарского наряда был накинута короткий джинсовый жакет.

Я мысленно отметил, что ассистентка наверное сошла бы с ума, увидев это сочетание. И где она успела всё это раздобыть? Неужели действительно нашла в своём гардеробе?

Маленький дерзкий котёнок, который решил показать свои коготки. И самое забавное, что ей это шло.

«Маленький сорванец», – подумал я, невольно усмехнувшись.

Я встал из-за стола.

– Присаживайся, – пригласил я её, стараясь говорить как можно более непринуждённо.

Она, не отвечая, двинулась к столу и села на самый дальний от меня стул. Я попытался пододвинуть для неё стул, но она отмахнулась от меня. Во взгляде – ни капли дружелюбия, только презрение и вызов.

Анна внесла борщ, разлила его по тарелкам. Аромат домашней еды, казалось, немного смягчил напряжение в воздухе.

Я взял ложку, посмотрел на Еву. Она сидела, скрестив руки на груди, и молча смотрела на меня в упор.

Я невольно усмехнулся. Её поза выдавала напряжение. Она пыталась казаться неприступной, но я видел, как в глубине её глаз плещется боль. И этот её бунт, этот дерзкий вид, всё это было лишь защитной реакцией. Если бы она только знала, как всё это – знакомо мне...

«Что ж, чем сильнее сопротивление, тем интереснее игра» – горькая усмешка промелькнула в голове.

И вопреки всему, я почувствовал прилив надежды. Злость – это ведь тоже эмоция. Значит, не всё потеряно. Значит, я ещё могу достучаться до неё.

Но тут всё пошло совсем не по плану. Ева отставила ложку, даже не притронувшись к еде. Взгляд её стал совсем ледяным, пронзительным.

— Когда мы будем хоронить родителей? — её голос был тихим, но в нем звучала сталь.

Вопрос прозвучал как удар под дых. Я на мгновение потерял дар речи. Как сказать ей? Как объяснить?

Я постарался говорить максимально спокойно и чётко. Нельзя было поддаваться эмоциям.

— Ева, я уже всё сделал, — ответил я, смотря ей прямо в глаза. — Организовал похороны. Обо всём позаботился, тебе не о чем беспокоиться.

И тут я увидел, как её лицо начинает наливаться багрянцем. Кожа, обычно бледная, почти прозрачная, вдруг вспыхнула неестественным, пугающим румянцем. Длинные светлые волосы только подчёркивали этот контраст, делая её похожей на разъярённого ангела. В её глазах я увидел такую ярость, что я слегка опешил.

«Ну всё...» — мелькнуло у меня в голове. «Сейчас будет взрыв. Надеюсь, она не размажет по мне свой чёртов борщ...»

Глава 12. Ева

Я сидела напротив него, и каждое его слово отдавалось ударом в груди. Он уже всё решил? За меня? Как он посмел? Мои родители... Их больше нет, и этот монстр, сидящий передо мной, не считает нужным даже посоветоваться со мной, дать мне право попрощаться?

Гнев захлёстывал меня, поднимаясь от кончиков пальцев до самых корней волос. Мои руки дрожали. Я опустила взгляд на тарелку с борщом. Яркий, наваристый, он смотрелся сейчас как издевательство. В горле пересохло, а моя решимость только нарастала.

– Только попробуй, – прозвучал его ледяной, предостерегающий голос в моей голове.

Я даже не посмотрела на него, но почувствовала, как его взгляд прожигает меня насквозь. Как он смеет? Он считает, что я испугаюсь?

Я резко оттолкнула от себя тарелку, и она с громким стуком ударилась о столешницу.

– Да как ты смеешь?! – заорала я. Голос сорвался, предательски дрогнул, выдавал боль и отчаяние, которые я тщетно пыталась скрыть. – Как ты смеешь распоряжаться моей жизнью?! Моими родителями! Ты даже не предупредил меня! Даже не спросил!

– Ева, – его голос был стальным, но в нем проскальзывала тень раздражения. – Не будут же они в морге ждать, пока тебя выпишут из больницы. Нужно было что-то делать.

– Удобно, – прошипела я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. – Очень удобно прикрываться такими отмазками. Спасти свою репутацию и не волновать мою персону. Как будто я чужой человек, как будто я никто для них.

– Я...

– Да пошёл ты! – выпалила я, с трудом сдерживая рыдания. – Я тебя просто ненавижу!

Я вскочила с места и бросилась прочь из столовой, из этого проклятого дома, из его жизни. Слышала, как Адам что-то кричит мне вслед: "Вернись немедленно!"

Но я его не слышала. В голове пульсировала только одна мысль – бежать. Бежать как можно дальше от него, от этого места, от всего, что он сделал с моей жизнью.

Я неслась по коридорам, как загнанный зверь. Видела расширенные от испуга глаза слуг, застывших у стен. Они смотрели на меня, как на сумасшедшую, но мне было всё равно. Я расшвыривала всё на своём пути, ничего не замечая. Мне нужно было выбраться из этого склепа.

Вылетев из дома, я помчалась по вымощенной плиткой дорожке к воротам. В груди жгло, в глазах стояли слёзы. Дыхание сбилось, ноги заплетались, но я не останавливалась. Я бежала, бежала, бежала...

И словно в насмешку, мир вокруг меня изменился. Небо

заволокло тёмными, грозowymi тучами. Почувствовала первые холодные капли на лице. И как только я добежала до ворот, разразился настоящий ливень.

Он обрушился на меня всей своей яростью, промочив до нитки в мгновение ока. Холод сковал тело, но физические ощущения были ничем по сравнению с той бурей, что бушевала в моей душе. Я стояла у ворот, дрожа от холода и ненависти, и смотрела на дом, который теперь казался мне настоящим мавзолеем. Мои родители похоронены. И у меня тоже нет выхода из этого склепа.

До ворот оставалось всего несколько шагов. Я уже чувствовала холодный металл под ладонью, предвкушала свободу. Но вдруг чья-то сильная рука грубо развернула меня, заставляя споткнуться.

Адам.

Он стоял передо мной, промокший до нитки, волосы прилипли ко лбу, делая его похожим на дикого зверя. Но больше всего меня напугали его глаза. В них метали настоящие молнии. Я никогда не видела его таким. Он был не просто зол, нет. Он был в ярости. Разъярённый бог, решивший обрушить свой гнев на жалкую смертную.

– Ты никуда не пойдёшь, – прорычал он сквозь зубы, и я отшатнулась, подчиняясь инстинктивному страху. В его голосе сквозила такая власть, такая угроза, что мои ноги на мгновение приросли к земле.

– Не смей мне указывать! – выплонула я в ответ, собирая

остатки смелости. – Ты меня здесь не удержишь!

– Это мой дом, – его голос стал ещё ниже, ещё опаснее.
– И пока ты здесь находишься, ты будешь делать то, что я говорю.

– Твой дом? – я громко рассмеялась, несмотря на подступающие слёзы. Это был истеричный, безумный смех. – Вот и живи в своём доме сам, окей? И оставь меня в покое!

– Не говори глупостей, Ева! – он схватил меня за плечи, впиваясь пальцами в кожу. Его хватка была такой сильной, что я поморщилась от боли. – Я пытаюсь тебе помочь.

– Помочь? – я вырвалась из его хватки. – Да ты разрушил мою жизнь! Ты забрал у меня всё!

– Я знаю, что тебе больно, – он сделал шаг ко мне, пытаюсь обнять, но я отшатнулась.

– Не смей ко мне прикасаться! – закричала я. – Я не хочу ничего от тебя, слышишь? Ничего!

– Ты ещё ребёнок, Ева, – он вздохнул, словно я была невыносимой проблемой. – Ты не понимаешь, что делаешь.

– Я ребёнок? – повторила я, и во мне снова вспыхнул гнев.
– Да, я ребёнок, который недавно потерял родителей! Ребёнок, который не имеет права даже попрощаться с ними! Ребёнок, которого ты запираешь в своём золотом гробу!

– Замолчи! – он рывкнул, и я вздрогнула. – Ты живёшь в этом доме только полдня, а мне уже кажется, что я постарел на десять лет!

– Тогда отправь меня в детский дом! – я закричала во всё

горло, захлёбываясь слезами. – И проваливай из моей жизни!

И в этот момент что-то сломалось в его взгляде. Терпение, которое он так старательно демонстрировал, лопнуло как мыльный пузырь. Его лицо исказила гримаса ярости, и я инстинктивно сжалась, ожидая удара. Но вместо этого он сделал то, чего я совершенно не ожидала.

Он просто подошёл ко мне, молниеносно и неумолимо, и перекинул меня через плечо, как мешок с картошкой.

Воздух выбило из лёгких. Я завизжала, чувствуя, как у меня закружилась голова. В нос ударил его запах – резкий, мужественный, с нотками дорогого одеколona и чего-то ещё, неуловимого, что вызывало странный, нежелательный трепет. Я тут же одёрнула себя, мысленно отталкивая это предательское чувство. Ненависть. Только ненависть.

– Отпусти меня! – орала я, колотя его кулаками по спине. – Ты слышишь? Отпусти!

Он не отвечал, лишь упрямо двигался в сторону дома.

– Я сказала, отпусти! – продолжала я, захлёбываясь слезами и ненавистью. – Ненавижу тебя! Ненавижу!

Наконец, его голос прозвучал, низкий, угрожающий, пропитанный стальным холодом.

– Ещё одно слово, – прорычал он, – и ты узнаешь, какие бывают последствия за непослушание.

Ярость и ненависть клокотали внутри меня, отравляя каждую клетку тела. Я ненавидела Адама за то, что бросил

нас на три года, за лживость, за эту мнимую участливость после смерти родителей. За то, что он забыл обо мне, а теперь, вдруг, решил прикинуться заботливым дядюшкой. Я старалась не напоминать себе о том, что раньше безумно его любила. Это была прошлая, наивная Ева, та, которой больше нет. Предательские воспоминания пытались всплыть на поверхность, но я яростно отталкивала их, сосредотачиваясь на одном: на ненависти.

Он внёс меня в дом, как захваченную добычу, и я услышала, как он прошипел на прислугу:

– Уйдите с дороги!

Он всегда казался таким собранным, излучающим один лишь позитив, а сейчас... Сейчас, кажется, я открыла его тёмную сторону, или он её так тщательно скрывал за маской открытого человека? Он ведь всегда умел нравиться людям. Лжец.

Он поднимался по лестнице, шагая тяжело и решительно, а я всё ещё висела у него на плече, как тряпичная кукла. Внутренности скручивались в тугий узел, голова раскалывалась от боли и унижения. Презрение к себе нарастало с каждой секундой. Как он смеет так со мной обращаться?

Он ворвался в мою комнату и просто кинул меня на кровать. Не поставил, не положил, а именно кинул, как ненужную вещь. Пружины жалобно скрипнули, приняв на себя мой вес. Боли я почти не почувствовала – она потерялась в водовороте гнева.

Он стоял в дверях, возвышаясь надо мной, как над поверженным врагом. Лицо всё ещё искажала гримаса злости, но в глазах уже проскальзывало что-то похожее на... сожаление?

— К ужину, — его голос был всё ещё низким и хриплым, — ты должна подумать над своим поведением. И объяснить мне, что это вообще было. Мы спокойно поговорим.

Спокойно? После всего этого? Он издевается?

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что со стен посыпалась штукатурка. Замок с щелчком защёлкнулся, запирая меня в этом золотом склепе.

Комната поплыла перед глазами от ненависти. Ярость, копившаяся внутри, вырвалась наружу, сметая всё на своем пути. Я вскочила с кровати и с диким криком схватила первую попавшуюся под руку вещь — хрустальную вазу с цветами, — и швырнула её в стену. Брызги воды, лепестки роз, осколки стекла — всё разлетелось во все стороны.

Я не останавливалась. С туалетного столика полетела косметика, флаконы духов, зеркальце, которое разбилось вдребезги. Я хватала всё подряд и бросала, ломала, крушила. В ход пошли подушки с кровати, картины со стен, книги с полок.

Крик не стихал, сливаясь с грохотом разбивающихся предметов. Я редела, выла, плевалась словами ненависти. Комната превращалась в хаос, в отражение той бури, что бушевала в моей душе.

Я сорвала балдахин с кровати, сбросила на пол шелко-

вые покрывала, растоптала пушистый ковёр. Больше никакого комфорта, никакой клетки. Только разрушение.

Зеркало. Я подбежала к туалетному столику и схватила осколок зеркала. Нет, не для того, чтобы порезать себя. Чтобы увидеть. Увидеть ту, прежнюю, наивную Еву, которая верила в сказки. И разбить её. Уничтожить.

Я подняла осколок и со всей силы ударила им по остаткам зеркала. Звон стекла, кровь на руках, отражение обезумевшего лица. Это была не я. Это был зверь. И я не собиралась останавливаться.

Пусть он увидит, что натворил. Пусть он поймёт, какую цену придётся заплатить за его ложь и за его тиранию. Пусть он знает, что я не сломаюсь. Я буду бороться. Я буду мстить.

Глава 13. Адам

Её крик преследовал меня, пока я покидал комнату. С каждым шагом вниз по лестнице меня захлёстывала новая волна ярости. Мышцы горели от желания вернуться, схватить эту девчонку и встряхнуть до тех пор, пока в ней не проснётся хоть капля уважения. Я сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Черт бы её побрал, эту сорвавшуюся с цепи девчонку!

Я пытался. Боже, как я пытался быть обходительным, понимающим дядей! Но от той Евы, которую я знал, от "мышки", которая тянулась ко мне с самого детства, словно ничего не осталось. Передо мной стояла другая Ева – бунтарка, вспыльчивая, дикая кошка, а не маленький домашний котёнок. И это детское прозвище теперь казалось мне ещё более нелепым и оскорбительным. Она словно нарочно пыталась пробудить во мне моих демонов, и, что самое паршивое, у неё это получалось. Я не знал, смогу ли я их сдерживать вообще.

Я помню её маленькой, трогательной, с огромными глазами, смотрящими на меня с восхищением. Помню, как она любила сидеть у меня на коленях, слушая мои сказки, как доверчиво засыпала у меня на руках. Где эта девочка? Что с ней стало?

Я покинул столовую, где так и не смог доесть этот чёртов борщ. Приказал прислуге убрать всё, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Сам же, как загнанный зверь, отправился в кабинет. Алкоголь – последнее, чего мне сейчас хотелось, но другого выхода я не видел.

Открыл шкаф, достал бутылку виски. Бурбон. Единственное, что сегодня хоть немного успокаивало. Налил себе щедрую порцию в стакан и отхлебнул. Крепкий вкус обжёг горло, и на мгновение я почувствовал облегчение. Кажется, хоть что-то в этом проклятом доме подчиняется мне.

Я смотрел в окно, на бушующий ливень. Словно сама природа разделила со мной мой гнев и отчаяние. Что мне делать с ней? Как достучаться до этого разъярённого ребёнка? Ведь она действительно ребёнок, потерявший родителей, и я, как последний идиот, не нашёл ничего лучше, чем обрушить на неё свой "заботливый" гнев.

Может, мне стоило сказать ей правду? Может, ей стоило знать, что решение об их похоронах было принято не для сохранения моей репутации, а чтобы оградить её от лишней боли? Чтобы, пока она была в больнице, ей не пришлось видеть их – бездыханных, изуродованных... Но разве это что-то изменит? Разве она поверит мне после всего, что произошло?

Правда в том, что я боюсь. Боюсь этой новой Евы, этой неприступной крепости, которую она воздвигла вокруг себя. Боюсь, что она никогда не сможет меня простить. Боюсь, что

навсегда потерял ту маленькую девочку, которую когда-то так любил.

И, чёрт возьми, я боюсь, что я так и не смогу стать для неё тем, кем должен быть.

Внезапно, звонок телефона мерзко прорезал тишину. Я вздрогнул от неожиданности и повернулся к столу, где лежал мой телефон. На экране высвечивалось "Мать – Германия". Только её звонка сейчас не хватало. Я тяжело вздохнул, отхлебнул виски и задержал взгляд на экране. Я знал, что если не отвечу, она будет звонить снова и снова, пока не добьётся своего. С раздражением потянулся к телефону и принял вызов.

– Адам, дорогой! Как ты? – её голос, пропитанный фальшивой заботой, неприятно резал слух.

– В порядке, мам. Что-то случилось? – сухо ответил я, уже предчувствуя этот бессмысленный разговор.

– Я просто хотела узнать, как ты там. Как себя чувствует... эта девочка? Ты всё-таки решился взять её под опеку?

Я почувствовал, как закипает кровь.

– Да, забрал. Всё в порядке. Ева сейчас переживает не лучшие времена, как ты можешь себе представить.

– Ну да, конечно. Ты же всегда был такой... сердобольный. Только не делай глупостей, Адам. Я всегда говорила, что от этой девчонки одни проблемы. Никогда она мне не нравилась. Всегда была какая-то... скользкая, знаешь?

Я сжал телефон так сильно, что костяшки пальцев побе-

лели.

– Мам, это всё? Я сейчас очень занят. Давай поговорим позже?

– Я просто волнуюсь за тебя, Адам! Ты же знаешь, я всегда хотела тебе только добра. Не позволяй этой соплячке манипулировать тобой. У неё, наверняка, одни корыстные цели...

– Правда? Корыстные цели? Ты сейчас серьёзно? – я не мог сдержать сарказма. – Ты уехала в Германию, когда мне было десять, погналась за лучшей жизнью, а теперь раздаёшь советы? Не думаю, что мне нужны твои комментарии о том, как воспитывать племянницу. Особенно от человека, который бросил собственного сына.

На другом конце повисла тишина. Я знал, что попал в точку. Она всегда ненавидела, когда я напоминал ей о прошлом.

– Ладно, делай, что хочешь. Но помни мои слова. С этой девочкой у тебя будут неприятности! – процедила она сквозь зубы и бросила трубку.

Чёртов звонок матери выбил из колеи напрочь. И без того паршивое настроение скатилось в крошечную бездну. Налил ещё виски, залпом осушил. Надо было отвлечься, иначе я действительно начну выть на луну, как побитый пёс. Работа. Вот что меня сейчас спасёт.

Я просидел в кабинете до самого вечера, разбирая завалы, оставшиеся после отъезда в отпуск. Телефон разрывался от звонков, требующих немедленного решения. "Золотая Лихорадка", казино на Кутузовском, требовало срочного вме-

шательства – какие-то проблемы с охраной, и, судя по обрывкам фраз, просочившимся в разговор, дело пахло серьёзными разборками.

В "Райской Птице" на Новом Арбате всплыли долги по аренде и назревал конфликт с владельцем помещения. А "Белый Тигр" на Тверской, моя самая проблемная головная боль, снова стал местом сбора сомнительных личностей.

Чёртовы клубы, чёртовы казино! В нормальных обстоятельствах я бы упивался властью, которую они мне дают, деньгами, которые льются рекой. Но сейчас каждый звонок, каждая проблема казались пыткой. Ведь все они – грязное наследство брата, расплата за его слабость. Именно из-за него, из-за его долгов перед этими... людьми, я вынужден содержать этот гадюшник, прикрывать их делишки, молча смотреть, как криминал разъедает мой бизнес. Я заплатил за его жизнь, за жизнь всей его семьи, отдав им часть себя, свою свободу. И теперь, когда я пытаюсь хоть как-то наладить свою жизнь, на меня обрушивается ещё одна проблема в виде осиротевшей племянницы.

Вспомнив о Еве, я поморщился. У неё-то долгов нет, но проблем от неё, кажется, не меньше.

К семи вечера я, наконец, вырвался из омута рабочих вопросов. Приказал накрыть на стол в малой столовой – ничего пафосного, лёгкий ужин, овощи, рыба. Не хотелось никаких официальных церемоний. Мне просто нужно было с ней поговорить.

Поднимаясь по лестнице, я пытался настроить себя на спокойный лад.

«Держи себя в руках, — твердил я себе. — Она ребёнок, она потеряла родителей, она напугана.»

Но с каждой ступенькой гнев подступал всё ближе.

Подойдя к её двери, я постучал. Тихо, осторожно. Ответа не последовало. Постучал снова, громче. Тишина. Сердце бешено заколотилось. Что-то было не так.

Осторожно повернув ручку, я приоткрыл дверь. И замер на пороге, словно получив удар под дых. Комната была превращена в руины. Осколки стекла, разорванные подушки, разбросанные книги, изорванные ткани... В хаосе, созданном своими руками, на полу лежала Ева. Спала.

Кровь ударила в голову. Ярость, которую я с таким трудом сдерживал весь день, вырвалась наружу. Неблагодарная девочка! Я таскал её на себе, терпел её выходки, пытался быть понимающим, а она в ответ устроила этот погром!

Я с трудом дышал, стараясь унять дрожь. Хотелось схватить её, встряхнуть так, чтобы дурь вылетела из головы. Что она вообще себе возомнила? Думает, в детском доме ей будет легче? Она понятия не имеет, какой это жестокий мир, какие опасности подстерегают её на каждом шагу. Она совершенно не понимает, что я пытаюсь её защитить!

Физически хотелось сделать ей больно, поставить на место. Но я заставил себя сделать глубокий вдох, медленный выдох. Закрыв глаза, считая от десяти до одного. С трудом

уняв ярость, я сделал шаг в комнату. Нужно было разбудить её, поговорить...спокойно поговорить. Хотя, честно говоря, в глубине души я понимал, что ни о каком спокойствии не может быть и речи.

Осторожно переступая через обломки, я двинулся к окну, где из груды разорванной ткани торчала её растрёпанная голова. Включил свет. Резкий луч полоснул по лицу, и она резко распахнула глаза. Они были красными, опухшими, полными ненависти. Взгляд, которым смотрят на злейшего врага.

Я сглотнул вязкую слюну.

– Что здесь происходит? – прозвучал мой ледяной голос. Я старался говорить ровно, но каждая буква, казалось, застревала в горле. – Что ты ... натворила?

Она не ответила. Просто смотрела на меня в упор, с вызовом. Внутри поднималась волна ярости, такая дикая и первобытная, что я с трудом её сдерживал. Чертовка! После всего, что я сделал... После всего, что я пережил!

Наконец, она заговорила. Голос её дрожал, но в нём сквозила такая же неприкрытая злость, как и в её глазах.

– Это ты натворил. Ты! Ты довёл меня до этого.

Схватить. Вот что мне хотелось сделать. Схватить эту девочку за плечи, встряхнуть, вытрясти из неё всю эту злобу и непонимание. Сказать ей, что она – последняя ниточка, связывающая меня с прошлым, что я не могу её потерять.

Но я стоял, как вкопанный, боясь пошевелиться. Боясь,

что стоит мне только прикоснуться к ней, я сорвусь. Превращусь в того монстра, которым она меня, видимо, считает.

Она смотрела на меня исподлобья, словно ждала моей реакции. Она определённо наслаждалась тем, что выводит меня из себя. Знала, куда бить, по самым больным местам.

– Таких дерзких девчонок, как ты, – начал я, едва сдерживая дрожь в голосе, – не учат беречь вещи? Или ты думаешь, это всё из воздуха берётся? Это стоит денег, Ева.

Я намеренно выделил её имя, пытаюсь напомнить ей, кто тут хозяин. Бесполезно.

Ухмылка искривила её губы.

– Меня не учили беречь твои деньги, – отрезала она.

Эта фраза стала последней каплей. Мои пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Внутри меня бушевал настоящий ураган. Безысходность, гнев, страх – всё перемешалось в один клубок. Я чувствовал, как все мои усилия, все попытки достучаться до неё летят в тартарары.

Ева провоцировала меня. Она намеренно давила на больное, пытаюсь сломать меня. Пыталась доказать, что я такой же, как моя мать, как все те люди, которые когда-либо причиняли ей боль.

Глава 14. Адам

Её слова прозвучали, как пощёчина. Что-то внутри меня надломилось. Это был уже не просто гнев, а какая-то первобытная ярость, перемешанная с отчаянием. Нельзя было дать ей сломить меня, нельзя допустить, чтобы она увидела мою слабость. Я резко шагнул вперёд и, схватив её за руку, грубо потянул на себя.

Её тело подалось вперёд, и я невольно окинул её взглядом. Я испытал гнев, негодование, но, чёрт возьми, ещё и какое-то недоумение. В её глазах плескалась неприкрытая ненависть, это было очевидно. Но её тело... Оно дрожало мелкой дрожью, дыхание было учащённым и прерывистым, а зрачки неестественно расширены. Что это? Что вообще происходит?

Бред какой-то. Не может быть. Она же просто... ребёнок, потерявший родителей, напуганный и озлобленный. Но сигналы её тела... Они были такими знакомыми, такими... возбуждающими. Я вдруг вспомнил всех тех женщин, с которыми когда-либо спал, и этот странный диссонанс между словами и телом, эта тонкая грань между отвращением и тайным желанием. Те же самые признаки, те же самые... приглашения.

Волна тошноты подкатила к горлу. Как такое вообще мог-

ло прийти мне в голову? Это же моя племянница, дочь моего брата! Я резко одёрнул руку, словно обжёгся, и отступил назад. В голове царил полный хаос.

– Ты... – начал я, стараясь сохранять ледяной тон, – Тебе придётся за это заплатить.

Я видел, как злость в её глазах вспыхнула с новой силой. Она, кажется, наслаждалась тем, что выводит меня из себя.

– Заплатить? – в её голосе звучал вызов. – И каким образом, по-твоему, я, в свои шестнадцать, должна заплатить за этот бардак?

Я снова окинул её взглядом. На этот раз более пристальным, почти неприлично оценивающим. Зачем я это делаю? Зачем разглядываю изгиб её шеи, линию плеч, как обтягивает джинсовка её грудь? Самому противно.

– Надо было раньше думать, прежде чем крушить собственную комнату, – сухо ответил я, отворачиваясь. – Возраст не оправдание для вандализма. И не стоит изображать невинность.

Последняя фраза словно вырвалась у меня против воли. Она повисла в воздухе, пропитанном двусмысленностью и намёками. Я прокашлялся, чувствуя, как краска приливает к лицу. Чёрт, надо взять себя в руки!

– Я... я готов быть снисходительным, – продолжил я уже более спокойно. – Ты можешь начать уборку с этого хлева. Или, если тебе не нравится физический труд, ты можешь помочь мне с завалами с работой. Там дел непочатый край. На-

пример, отвечать на звонки... перебирать отчёты.

Я наблюдал, как меняется её лицо. Удивление, досада, ярость... Все эти эмоции промелькнули на нем одна за другой. Она явно не ожидала такого предложения. И чем дольше я смотрел на неё, тем больше понимал, что попал в яблочко.

Мне нравилось видеть её растерянность. Нравилось ощущать власть над ней, пусть даже и такую извращённую. Наверное, я и вправду превращаюсь в монстра.

Она вспыхнула, и не успел я даже моргнуть, как она оказалась в опасной близости от меня. В этот момент меня пронзила странная мысль: какая же она, чёрт возьми, маленькая. Хрупкая, почти невесомая. Инстинктивно захотелось защитить её, укрыть от всего мира, но я тут же одёрнул себя. Жгучая ярость обожгла изнутри. Почему она пробуждает во мне всё это? Все эти... неправильные чувства.

Если бы она была нормальной девчонкой ничего подобного бы не случилось. Но Ева... она не просто провоцирует. Она кричит о провокации. Каждое её слово, каждый взгляд, каждый жест – вызов, брошенный в лицо моим принципам.

В нос ударил её запах – лёгкий, цветочный, с едва уловимой примесью чего-то терпкого и незнакомого. К моему удивлению, он не показался мне неприятным. Снова одёрнул себя.

«Глупая девчонка. Просто глупая девчонка,» – твердил я себе, как мантру.

– Вот так выглядит твоя забота? Вот такой ты заботливый

дядюшка? – в её голосе сквозила насмешка.

Её слова заставили меня ощетиниться. Даже почувствовал, как волоски встали дыбом. Очередная провокация. Отлично. Что ж, сыграем в её игру.

Уголки моих губ тронула холодная усмешка.

– Я взял тебя под свою опеку. Обеспечил жильём, оплачиваю твоё обучение, одежду. Разве это не забота?

И тут, откуда ни возьмись, во мне проснулся странный, почти садистский сарказм. Мне захотелось увидеть её реакцию, загнать её в угол.

– Или ты хотела бы сказки на ночь и объятий перед сном?

Её лицо вспыхнуло, румянец залил щеки.

– Ни за что! – выплюнула она, сжимая кулаки.

– И не собирался, – отрезал я, стараясь скрыть дрожь в голосе. – Ты уже не маленькая.

Затем, стараясь придать своему голосу как можно больше холода и отстранённости, я добавил:

– Жду тебя в малой столовой через десять минут. Приведи себя в порядок и спускайся к ужину.

И, не дожидаясь ответа, вышел из комнаты, оставив её стоять посреди комнаты.

Когда дверь захлопнулась за моей спиной я облокотился на стену в коридоре, стараясь контролировать дыхание. Сердце колотилось как сумасшедшее, отстукивая какой-то странный, тревожный ритм. Что она со мной делает? Ева... просто девочка, племянница, ребёнок, потерявший родите-

лей. Это мой долг – помочь ей, поддержать. Нельзя поддаваться этим... извращённым мыслям.

Я закрыл глаза, пытаюсь ухватиться за эту мысль. Да, она просто ребёнок. Все эти странные чувства, все эти вспышки ярости и... нездорового влечения – просто плод моего больного воображения, разыгравшейся фантазии. Нужно держаться от неё подальше, не давать ей шанса спровоцировать меня снова.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Нужно заставить её заниматься делом. Загружу её работой, пусть пашет как вол, разбирает бумаги, отвечает на звонки. Хотя чем-то полезным займётся. Скоро каникулы. Пожалуй, лучше отправить её в какой-нибудь лагерь или ещё куда-нибудь. Лишь бы не маячила перед глазами.

Я оттолкнулся от стены и медленно пошёл в сторону столовой. Нужно вести себя как ни в чем не бывало, не показывать ей свою растерянность. Сделаю вид, что всё под контролем. Хотя, чёрт возьми, ничего я не контролирую.

Спустившись вниз, я замер у входа в малую столовую. В животе неприятно засосало. Нужно было поесть, но аппетит пропал напрочь. Собрался с духом и вошёл.

Ева появилась через пять минут. Как и следовало ожидать, она не стала прилагать усилий, чтобы привести себя в порядок. Растрёпанные волосы, грязное лицо, на руках всё ещё виднелись засохшие капли крови от порезов. Джинсовка по-прежнему была небрежно накинута на плечи. Девчонка

ка явно напрашивалась на наказание.

Я медленно вздохнул и выдохнул, стараясь сдержать поднимающуюся ярость. Поддаваться ей нельзя. Это именно то, чего она добивается.

– Ларс, обработай ей руки, – приказал я, не глядя на племянницу. Прислуга тут же засуетилась, поднося к столу аптечку и протирая его влажной тряпкой.

– Не нужно, – пробурчала Ева, пытаясь отдернуть руку.

Я резко повернулся к ней, прожигая взглядом.

– Я сказал, обработай раны. Делаеть то, что я сказал, и точка.

В её глазах вспыхнул гнев, но она промолчала. Победа. Пусть и маленькая, пусть и над ребёнком. Но сейчас это было необходимо. Ларс осторожно, стараясь не причинить боли, обработал её руки антисептиком и заклеил порезы пластырем.

Когда всё было закончено, Ева села за стол, с явным презрением на лице, как будто её заставили есть какую-то гадость. Меня это только позабавило.

Я некоторое время молча рассматривал её, изучая, как дикинное животное. Невыносимое напряжение висело в воздухе.

Наконец она не выдержала.

– Чего тебе вообще от меня надо? – выпалила она.

В её голосе звучала усталость, перемешанная с вызовом. И с какой-то непонятной болью.

Я сделал глубокий вдох, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно мягче. Этот выпад... эта её открытая рана требовала деликатности, которой я боялся.

– Завтра мы поедem на кладбище... Там ты сможешь попрощаться с родителями.

Она опустила взгляд на свои сплетённые руки на коленях. Вмиг вызов сменился какой-то острой болью в её глазах. Хотелось подойти и утешить её, обнять, прижать к себе, защитить от всего мира. Но я одёрнул себя. Это было бы... неправильно. Опасно. Нельзя. Зачем вообще это всё со мной происходит?

Она подняла свои удивительно серые глаза на меня и тихо прошептала:

– Спасибо...

Глава 15. Ева

Утром, когда я спустилась вниз, Адам уже ждал меня у входа. Как всегда, безупречный. На нём был надет тёмный костюм, скроенный по фигуре, и даже в такой момент, когда мы собирались ехать на кладбище, чтобы попрощаться с моими родителями, этот дьявол выглядел слишком лощённым, слишком... красивым, чтобы это было уместно. Красивым настолько, что меня передёрнуло. Зелёные глаза внимательно сканировали меня, словно оценивая.

Я постаралась взять себя в руки и вымученно улыбнулась, стараясь держаться подальше от этого волнующего взгляда. Он только приподнял бровь, в глазах мелькнуло что-то похожее на недоумение, а может, и осуждение. Он пригласил меня выйти из особняка, в направлении выхода из его роскошного двора. Высокий, статный, он шёл рядом, и само его присутствие давило на меня, вызывая приступы клаустрофобии – как можно быть настолько безэмоциональным и спокойным?

Он подал мне руку, когда мы подошли к чёрному Рейндж Роверу, но я проигнорировала этот жест. Я не приму его помощь, не позволю ему прикоснуться ко мне.

Я села не возле него, на переднее сиденье, а сзади, отвернувшись к окну. Молчание давило, пульсируя в ушах. Я

ненавидела эту машину, этот особняк, эту жизнь, которую он мне навязывал.

В какой-то момент, он вздохнул, и произнёс что-то невнятное, не поднимая глаз.

– Ева... Может, мы хотя бы на минутку оставим всё это между нами?

Что он хотел сказать? Что хочет перемирия? Что он хочет, чтобы я перестала быть "проблемным подростком", которым он сам меня выставил? Я сжала кулаки, стараясь сдержать гнев.

– Я подумаю, – прошипела я, глядя в окно.

Он только хмыкнул в ответ и запустил мотор. Остаток пути мы проделали в тишине.

Дорога казалась бесконечной. Мимо проплывали серые пейзажи, как отражение моего душевного состояния. Всё это время я старалась не смотреть на Адама, не давать ему ни единого шанса увидеть, как мне больно.

Когда мы подъехали к кладбищу, ком подступил к горлу. Воспоминания хлынули потоком, затопляя меня болью. Мама, папа... Их больше нет. И я осталась одна.

Адам указал мне на свежие могилы, усыпанные цветами. Их имена и даты рождения выбиты на сером камне. В этот момент вся моя ненависть к Адаму куда-то испарилась, уступив место всепоглощающей тоске.

Я тупо смотрела на их имена, словно надеялась, что произошло недоразумение, что они вот-вот появятся и обнимут

меня. Но они не появились.

Слёзы навернулись на глаза, не давая мне возможности рассмотреть надписи. Я опустила белые лилии, которые Адам заранее подготовил в машине, и, подняв на него взгляд, я увидела в выражении его зелёных глаз странную смесь чувств: участие, грусть... и что-то, чего я не могла понять...

Плевать.

Я отвернулась, не желая видеть ни его жалость, ни его лицемерие. Он отобрал у меня всё. И теперь он стоит здесь, с видом скорбящего родственника.

Я села между их могилами и начала всхлипывать. Единственное, что у меня осталось – это Адам.

Адам – мой кошмар, но он же и мой шанс. Он дал мне кров и пищу, но это не причина того, что я буду покоряться. Я отчаянно ненавижу его, но чёрт побери, я так же и нуждаюсь в нем. И это было невыносимо!

Я вытерла слёзы, чувствуя, как противная солёная влага оставляет липкий след на щеках. Собравшись с духом, тихо проговорила:

– Спасибо, что привёз меня сюда.

Подняла взгляд и встретила с его глазами. На мгновение мне показалось, что в них мелькнула какая-то мягкость, почти нежность. Дьявол! Как он это делает? Как ему удаётся так легко менять маски, быть одновременно и ангелом, и исчадием ада?

В ответ он произнёс что-то невнятное, из разряда "не стоит благодарности", и тут же эту мягкость как рукой сняло. Его взгляд снова стал деловым, жёстким, непроницаемым.

– Сегодня ты приступаешь к своим новым обязанностям. Поможешь мне разгрести завалы на работе.

Я в шоке застыла, не веря своим ушам. Несколько секунд понадобилось, чтобы осознать услышанное. Ярость волной захлестнула меня.

– Ты серьёзно? – процедила сквозь зубы. – Я сегодня вообще ничего не хочу! Я подавлена, я... я тебя даже видеть не желаю! Не видеть бы тебя хоть веками, никогда!

Высказав это, я ожидала увидеть хоть какую-то реакцию, но он оставался невозмутимым. Лишь на мгновение его взгляд странно скользнул по моему телу, отчего меня пронзила волна возмущения, смешанного со странным, предательским трепетом.

– Вчера тебе это не помешало разгромить комнату, – равнодушно констатировал он. – Так что, садись!

Он открыл дверь машины, и не дожидаясь, пока он её прикроет, я захлопнула её со всей силы. Пусть знает, как я сейчас себя чувствую!

Он уже сидел за рулём, когда я услышала его недовольное ворчание:

– Дверь так не закрывают. Машина дорогая, нужно бережнее относиться к таким вещам.

– Я представила, что там твоя голова, – огрызнулась я.

К моему удивлению, он откинулся на водительское сиденье и расхохотался. От его смеха у меня внутри всё затрепетало, но я заставила себя не думать об этом. Ненависть, только ненависть!

Он повернулся ко мне, и с лукавой улыбкой произнёс:

– Маленький, провоцирующий дикий котёнок... Но я слишком живуч, чтобы умереть в твоих мечтах. А теперь пристегнись и постарайся не разбить мне салон.

Всю дорогу домой я сверлила его ненавидящим взглядом. Он, казалось, не замечал моего презрения, сосредоточившись на дороге. В салоне повисла удушающая тишина, перебиваемая лишь урчанием мотора. Я сидела, как на иголках, вынашивая планы мести в своей голове. Я не позволю ему остаться безнаказанным. Я выдержу. И я отомщу. Обязательно.

Когда мы подъехали к особняку, я выскочила из машины, как ошпаренная, и направилась к входной двери. Она распахнулась передо мной, будто насмехаясь. Внутри всё было, как всегда, таким же роскошным и чуждым.

– Пойдём, покажу тебе твой новый офис, – произнёс Адам, и я чуть не подавилась яростью. Он говорит об этом так, словно я рвалась на эту работу!

Он повёл меня в сторону, противоположную лестнице, и я впервые обратила внимание на дверь, которую раньше не замечала. Она была выполнена из тёмного дерева и выглядела довольно неприметно. Адам распахнул её, и я замерла,

ошеломлённая.

Это была огромная библиотека, залитая майским солнцем. Высокие стеллажи, уставленные книгами в кожаных переплётах, тянулись до самого потолка. Большие окна, выходящие в сад, пропускали потоки света, и пылинки кружились в этих лучах. В центре комнаты стоял огромный письменный стол из тёмного дерева, идеально отполированный.

Невольно я залюбовалась этим местом. Оно дышало каким-то особенным спокойствием. На секунду я забыла, что нахожусь в доме у своего врага.

– Твоя задача – систематизировать мои дела, – прервал мои размышления Адам, его голос был деловым и холодным. – Ты будешь вести расписание встреч для моих казино и клубов, отвечать на звонки, разбирать корреспонденцию и... – он сделал короткую паузу, – следить за тем, чтобы мои партнёры не забывали о своих обязательствах. Поняла?

Я сжала кулаки. Он действительно считает, что я буду ему прислуживать? Что я буду бегать и выбивать долги для его грязного бизнеса? Мне хотелось плюнуть ему в лицо, но я сдержалась. Пока. Сейчас я просто должна играть по его правилам, чтобы потом нанести удар.

– Поняла, – прошипела я сквозь зубы. – Но я всё ещё думаю, что мне рано работать.

Он, казалось, не заметил моего сарказма.

– Отлично. Тогда приступай прямо сейчас. На столе ты найдёшь список дел.

Я ненавидела его. Ненавидела его власть, его спокойствие, его самоуверенность. Но больше всего я ненавидела то, что сейчас вынуждена подчиниться ему. Я должна найти способ отомстить. Но как? Мне нужно время. Мне нужно придумать что-то... гениальное.

Адам подошёл ко мне ближе, и я невольно отшатнулась. Он, кажется, заметил мой страх и в его глазах мелькнула насмешка. Он протянул руку и... потрепал меня по голове, как непослушного щенка!

Меня парализовало яростью.

– Не смей! – зашипела я, отталкивая его руку.

Он лишь расплылся в улыбке.

– Не смог удержаться, – пробормотал он, глядя на меня с хищным блеском в глазах. – Ты такая забавная, когда злишься.

С этой фразой он развернулся и направился к выходу.

– Увидимся позже, Ева. И постарайся не разнести библиотеку.

Дверь за ним закрылась, и я осталась одна в этой огромной библиотеке, наедине со своей ненавистью и планами мести. Он ещё пожалеет, что связался со мной. Я позабочусь об этом. Обязательно.

Глава 16. Адам

Я вышел из библиотеки, чувствуя, как лёгкое удовлетворение разливается по телу. Конечно, я мог поручить секретарскую работу кому-то из своих людей. Но Ева... ей нужно было занять голову чем-то конкретным, чтобы она не слонялась без дела по особняку, и, буду честен сам с собой, чтобы лишний раз не маячила у меня перед глазами.

Какой чёрт меня дёрнул потрепать её по голове? Я и сам не понимал. Она действительно напоминала маленького дикого котёнка, которого так и хочется погладить, хотя бы просто ради того, чтобы увидеть эту смешную злость, с которой она шипит. Я понимал, что она ещё преподнесёт мне немало сюрпризов, и к ним следовало подготовиться.

Проходя по коридору, я свернул в свой кабинет – оплот власти и спокойствия. Тяжёлая дубовая дверь бесшумно закрылась за мной, отрезая от остального мира. Я подошёл к широкому панорамному окну, откуда открывался вид на ухоженный сад, утопающий в зелени. Несколько секунд я просто смотрел вдаль, пытаясь обуздать ворох мыслей, терзавших мой разум. Затем нажал кнопку на интеркоме, висевшем на стене.

– Марта, кофе в кабинет, пожалуйста.

Через пару минут в дверь постучали, и Марта, одна из гор-

ничных, неслышно вошла, ставя передо мной чашку с обжигающе горячим напитком. Я кивнул ей в знак благодарности и отпустил, оставшись наедине со своими мыслями.

Напряжение последних дней давило на меня с невероятной силой. Мне нужна была разрядка. Необходима женская близость. В голове сразу же возник образ Кристины – высокая, чувственная, с манящими васильковыми глазами. Она была идеальным выбором для утоления животного голода, для избавления от скопившегося напряжения. Наши встречи никогда не подразумевали ничего большего, чем взаимное удовлетворение. И это меня устраивало. Чёрт возьми, сейчас мне это было необходимо.

Снова нажав кнопку интеркома, я обратился к Марте:
– Марта, если придет Кристина, сразу же сообщи мне. Я сам спущусь.

Я не собирался тратить время на пустые разговоры. Не до любви сейчас. Никакие привязанности мне сейчас не нужны. Пусть мать твердит о внуках и необходимости жениться – эти мысли каждый раз вызывали лишь раздражение.

Мать... обида на неё до сих пор жгла душу, как незаживающая рана. Как она смеет указывать мне, как жить? Нет уж, увольте. Женщина в моей жизни – это лишь источник временного расслабления, не более. А семейные узы – это лишние проблемы.

И тут в моей голове опять всплыло лицо Евы. Господи, она действительно... возбуждала меня. И эта мысль была просто

отвратительной. Я чувствовал себя каким-то грязным, будто совершил нечто запретное. Она всего лишь ребёнок, пусть и бунтующий. Это было неправильно. Мерзко.

Нет, нужно выбросить это из головы. Я лучше утону в объятиях других женщин. Не важно, кого. Лишь бы не думать о ней. Лишь бы заглушить эти грязные мысли. Мне почти физически было противно от самого себя. Мерзость.

Я просидел в кабинете, наверное, часа три. Отчёты клубов и казино пестрели цифрами, и я машинально вникал в каждую строку, стараясь отвлечься от дурацких мыслей, назойливо лезущих в голову. Документы, как назло, требовали внимания, но мысли постоянно ускользали, возвращаясь к надоедливому образу.

Наконец, когда я почти выучил наизусть квартальный отчёт "Белого Тигра", дверь распахнулась с таким грохотом, что я едва не опрокинул чашку с уже остывшим кофе. Только Евы мне сейчас и не хватало.

Она стояла в дверях, прислонившись к косяку с вызывающим видом. Я невольно задержал взгляд на её лукавой улыбке. Она закусила губу, и смотрела на меня как-то... заговорщически. Опять что-то придумала, несносная девчонка!

И тут я заметил, что волосы у неё распущены. Светлые, длинные, они обрамляли её лицо мягкой волной. Меня передёрнуло. Всегда питал слабость к блондинкам, а Ева – натуральная, это было... опасно.

«Хватит об этом думать!» – приказал я себе.

Её серые глаза горели вызовом, и я невольно усмехнулся.
«Что на этот раз?» – пронеслось в голове.

– К тебе... Кристина, – произнесла Ева, растягивая слова с каким-то совершенно неуместным удовольствием в голосе.
Я нахмурился.

– Сейчас спущусь, – отрезал я, стараясь не выдать раздражения.

Её губы скривились в подобии улыбки.

– Конечно-конечно. Она заждалась... – промурлыкала она, и, бросив на меня ещё один лукавый взгляд, вышла из кабинета, оставив меня наедине с этой невыносимой двусмысленностью.

Чёртова девчонка! Эта двусмысленность, с которой она произнесла имя Кристины, была нарочитой, вызывающей. Она словно играла со мной, подбрасывая дровишки в костёр, который я так отчаянно пытался потушить. Ярость вскипела внутри, но я заставил себя успокоиться. Нельзя поддаваться на её провокации. Она жаждет увидеть мою реакцию, и я не доставлю ей этого удовольствия.

Встал из-за стола, одёрнул пиджак и направился к выходу. Нужно покончить с этим фарсом. Нужна Кристина, чтобы выбросить всё из головы. Хотя бы на время. Эта мысль придала сил, заставила двигаться быстрее.

Спускаясь по лестнице, я слышал приглушённые голоса, доносившиеся из гостиной. Ева и Кристина? Что они там делают? Любопытство потянуло меня вперёд.

Приблизившись к гостиной, я машинально замер. Ева сидела на диване, болтая ногами, а Кристина внимательно слушала её, склонив голову.

– ...и папа постоянно говорил, что в детстве Адам носил подгузники до пяти лет! Представляешь? – хихикала Ева.

Я чуть не расхохотался в голос. Подгузники до пяти лет? Это было абсурдно!

– ...да, и ещё папа говорил, как Адам боялся темноты... до ужаса просто! Он залезал под кровать и кричал, пока дедушка не включал ночник в виде зайчика.

Я усмехнулся. Зайчик? Серьёзно? Она действительно думает, что это меня заденет? Какая детская наивность.

Я сделал ещё несколько шагов, чтобы они обе меня заметили. Пора заканчивать этот фарс.

– Как я рад, что вы нашли общий язык, – произнёс я непринуждённым тоном. – Кристина, дорогая, я уже заждался.

Кристина подошла ко мне, обворожительно улыбаясь. Она была прекрасна, как всегда. Но мой взгляд был прикован к Еве.

Кристина обняла меня и нежно поцеловала. Я ответил на поцелуй, не отрывая взгляда от Евы. Я видел, как её губы чуть дрогнули, как на миг в серых глазах вспыхнула ярость. И... ревность? Да быть не может! Бредовая мысль. Ревность? У неё? Ко мне? К Кристине? Это абсурд.

Но я не мог отрицать – что-то в её взгляде изменилось.

Что-то промелькнуло. И это было очень похоже на ревность. Как и в глазах тысяч других женщин.

Стараясь не думать об этом, я лишь усмехнулся. Лёгкая, почти незаметная усмешка.

– Прошу прощения, Кристина, что заставил тебя ждать, – прошептал я ей на ухо, всё ещё глядя на Еву.

Получай, маленькая Ева. Получай свою порцию разочарования. Я не буду плясать под твою дудку. Я буду играть по своим правилам.

Я отстранился от Кристины, собираясь уже было повести её в свою спальню, чтобы поскорее забыть о назойливой Еве. Но тут девчонка, словно прочитав мои мысли, шагнула вперед. В её серых глазах плясали настоящие чертята, а на губах играла приторно-сладкая улыбка, предвещавшая какую-то пакость.

– Адам, не буду тебе мешать, – пропела она, глядя прямо на Кристину. – Развлекайся со своей... эскортницей.

Слово прозвучало как плевок. Едкое, пренебрежительное, оно резануло по слуху, заставив меня нахмуриться. И дело было не в Кристине. В конце концов, наши отношения всегда были предельно ясными. Дело было в Еве. Это её нарочитая дерзость, этот вызов, брошенный мне в лицо, вызывали нарастающее раздражение. И странное, необъяснимое любопытство. Что у неё на уме? Чего она добивается?

Возбуждение, едва успевшее зародиться, вмиг испарилось. В голове билась только одна мысль: заткнуть эту дев-

чонку. Схватить, прижать к стене и вытрясти из неё весь этот бред. Но я сдержал себя. Ярости не было, только усталость и какое-то странное, щекочущее нервы предвкушение.

Она играла со мной, это было очевидно. И, признаться, мне начинало это нравиться. В глубине души я даже усмехнулся. Маленькая дикарка, решившая, что может меня перехитрить.

Неожиданно голос Кристины, прозвучал слишком громко и глупо в этой напряжённой атмосфере.

– Эскортницей? А что это такое? – спросила она, хлопая своими васильковыми глазами. В этот момент она показалась мне особенно жалкой.

Ева, не отрывая взгляда от меня, пожала плечами:

– Ой, ну поугли. Может быть, в интернете узнаешь, что это такое.

В этот момент, Ева в моих глазах поднялась на пьедестал в этой, нелепой ситуации. С каким пренебрежением она относилась к этой Кристине... Еве было всё равно, ей главное было задеть меня. И у неё получалось.

Напряжение в гостиной достигло критической отметки. Кристина, с глуповатой улыбкой и васильковыми глазами, пыталась осознать смысл произнесённого Евой слова. Девчонка, с хищным блеском в серых глазах, ждала моей реакции. А меня разрывало на части. Хотелось вышвырнуть одну, прижать к стене другую, и послать к чёрту все свои тщательно выстроенные планы.

Я выдохнул, стараясь вернуть себе остатки самообладания. Достал телефон из кармана пиджака, взглянул на экран, изображая сосредоточенность.

– Кристина, – произнёс я нарочито деловым тоном, – прошу прощения, но возникли срочные вопросы по казино.

Я видел, как на лице Кристины мелькнуло разочарование. Но мне было плевать.

– Марта проводит тебя, – сказал я, не давая ей возможности возразить. – Обязательно позвоню.

Кристина, надув губы, молча кивнула. Похоже, быстро поняла, что спорить бесполезно. Марта неслышно увела её из гостиной.

В ту же секунду я заметил, как Ева, воспользовавшись моментом, пытается поспешно ретироваться. Лёгкое движение плечом, осторожный шаг к двери. Но я не позволю ей так просто улизнуть.

– Стоять, Ева. Я тебя не отпускал, – приказал я жёстко, властно. Мой голос, привыкший к подчинению, прозвучал в гостиной оглушительно.

Ева замерла и медленно повернулась ко мне, испепеляя взглядом. В её серых глазах бушевала ярость.

– Пошли, – коротко бросил я, не допуская возражений. Она продолжала стоять на месте, как прикованная к полу. Смотрела с вызовом, полным ненависти.

– Чёрт бы тебя побрал, – прошипел я сквозь зубы, моя злость росла с каждой секундой.

Не выдержав, схватил ее за руку, крепко сжав ее тонкое запястье. Почувствовал, как она дёргается, пытаясь вырваться. Но моя хватка была железной.

– Идём, – повторил я, на этот раз более спокойно, но не менее твердо.

Волоча её за собой, направился к своему кабинету. Она упиралась, но идти ей пришлось. С каждым шагом, сопротивление её ослабевало.

Мы вошли в кабинет. Тишина обрушилась на нас всей своей тяжестью. Она гудела в ушах, казалась почти осязаемой. Я не отпускал её запястья, чувствуя под пальцами бешеное биение её пульса. Ярость и какое-то болезненное удовлетворение боролись внутри меня, разрывая на части.

В кабинете было сумрачно, свет проникал только сквозь узкую щель в неплотно задёрнутых шторах. На столе, в полумраке, по-прежнему стояла моя чашка с остывшим кофе – нелепая деталь в этой напряжённой обстановке. Кажется, целая вечность прошла с тех пор, как я сидел, пытаюсь утонуть в отчетах, убежать от... неё.

Я смотрел на Еву. Она стояла, опустив голову, плечи её мелко дрожали. Не от страха – это точно. Скорее, от ярости, сдерживаемой ярости, которая, я чувствовал, вот-вот вырвется наружу. Её светлые волосы растрепались, несколько прядей упали на лицо, частично скрывая её серые, потемневшие от злости глаза.

Внезапно она подняла голову, и наши взгляды встретились.

лись. В её глазах пылало такое неприкрытое негодование, такая ненависть, что на мгновение я пожалел о своей импульсивности. Но только на мгновение. Я не мог позволить ей так просто уйти. Не после всего, что произошло.

Я потянул её на себя, резко и грубо. Она не сопротивлялась, словно смирившись со своей участью. Её тело подалось вперёд, и мы оказались в опасной близости друг к другу. Я чувствовал её тепло, запах её кожи – лёгкий, свежий. Меня передёрнуло.

Я смотрел в её глаза, пытаюсь прочесть, что у неё на уме. Что она хотела доказать, на что рассчитывала? И, самое главное, почему меня так чертовски это волновало?

– Что, чёрт возьми, это вообще было?

Глава 17. Ева

Его пальцы сжимали моё запястье так сильно, что казалось, вот-вот хрустнут кости. Ярость, клокотавшая во мне, едва сдерживалась. Я смотрела на него, прямо в эти красивые зелёные глаза, и единственное, что чувствовала – всепоглощающую ненависть. Ненависть к этому самодовольному, уверенному в себе дьяволу.

Но... когда я увидела, как он, с каким-то зверским удовольствием, целует эту... Кристину, что-то сломалось внутри меня. Захотелось испортить ему всю малину, лишит его этого опьяняющего чувства власти. Вывести из себя этого лощёного, лицемерного Адама. Да, дело было не в Кристине. Дело было в нем.

Его прикосновение продолжало обжигать мою кожу. Под ней словно вспыхивали короткие разряды тока. Ненавижу, ненавижу, ненавижу. Но воздух вокруг словно наэлектризовался, и все мои чувства обострились до предела.

– Это было... – начала я, пытаюсь придумать хоть какое-то вменяемое оправдание. Что сказать? Прости, Адам, я просто хотела насладиться видом твоего унижения?

В голову пришло первое, что всплыло в памяти.

– Знаешь, она... охотница за богатствами. Мне просто не хотелось, чтобы ты попался в сети какой-то вертихвостки.

Ты всё ещё мой опекун, и я не хочу из-за какой-то охотницы за кошельками стать твоей горничной, которая будет убирать за ней бриллианты!

Как же глупо это прозвучало. Но было уже поздно.

Лицо Адама багровело. Ярость? Бешенство? Да, конечно. Но в глубине его глаз промелькнуло что-то ещё. Что-то, что я отказывалась признавать. Удивление? Даже... интерес?

– Ты серьёзно думаешь, что я позволил бы какой-то женщине вить из себя верёвки? – прорычал он, в его голосе сквозило неприкрытое презрение.

Его слова меня задели. Как он вообще смеет так говорить?

– А ты не позволяешь? – огрызнулась я. – Кажется, у тебя это отлично получается!

Чёрт, я должна перестать огрызаться, надо как можно скорее покинуть это место, пока я не натворила ещё какой-нибудь ерунды!

Я ненавидела, как быстро бьётся моё сердце в его присутствии. Ненавидела, как его взгляд обжигает меня. Ненавидела, что он вообще хоть что-то во мне вызывает. Это было отвратительно. Не должно быть ничего, кроме ненависти. Я должна просто уйти, забрать своё сердце и больше никогда не смотреть в сторону этого самодовольного дьявола.

Он неожиданно разжал пальцы, и я почувствовала, как холод прокрадывается в ту часть руки, которую он только что сжимал. Не знаю, почему, но это отрезвило меня больше, чем сто оскорблений.

Инстинктивно я схватила свою руку, словно боясь, что он передумает и снова причинит боль. Только... холод был не физическим. Мне просто стало пусто без его касания, и это пугало меня до чёртиков. Нужно было срочно взять себя в руки.

Отступив от него на несколько шагов, я постаралась придать своему голосу видимость спокойствия, хотя внутри всё кипело.

– Мне пора, – произнесла я, натягивая дежурную улыбку. – Меня ждут отчёты. Те самые, которые ты великодушно оставил мне для развлечения. И, конечно же, звонки... – тут я не сдержалась, и презрение просочилось в мой голос, – да, звонки из твоих грязных казино и клубов.

Адам облокотился о край стола, скрестив руки на груди. Его взгляд продолжал сверлить меня, не мигая. Он казался абсолютно спокойным, но я знала, что это лишь маска.

– Неужели ты вспомнила о своих обязанностях, Ева? Какая покорность, – в его голосе звучала насмешка.

Я прищурилась, стараясь скрыть раздражение.

– Встреча с Кристиной была всего лишь лирическим отступлением, – ответила я, стараясь говорить как можно более небрежно. – Просто любопытство. Захотелось посмотреть, кого ты выбрал... в качестве развлечения.

«Интересно, каких ещё пустоголовых кукол он притащит в свою постель?» – промелькнуло в голове.

Но я тут же отдёргнула себя. Какое мне дело? Я же его

ненавижу. Точка. Ненавижу. И этот интерес, это необъяснимое желание уколоть его... это тоже ненависть. Да, конечно, только ненависть.

Несколько мгновений он молчал, словно обдумывая какое моё слово, и в его взгляде читалось осуждение, но и... что-то ещё, что больше походило на неприкрытое любопытство.

– И что же мы теперь будем делать, Ева? – медленно произнёс он, растягивая слова, словно пробуя их на вкус. В его голосе слышалось нескрываемое лукавство. Ведь я лишила его вечернего секса с этой Кристиной. Фу! Мерзость.

На моих губах невольно промелькнула злорадная улыбка. Удовольствие от того, что удалось нарушить его планы, было почти физическим.

– Не знаю, что будешь делать ты, Адам, – я постаралась, чтобы мой голос звучал как можно более спокойно и ровно, хотя внутри всё кипело. – А мне нужно работать.

Я демонстративно развернулась, собираясь уйти, но поймала на себе его взгляд. Он больше не сверлил, нет. Он скользил по моему лицу, медленно опускаясь к губам. Что-то неуловимое изменилось в его взгляде, и от этого гипнотического внимания на моих щеках вспыхнул неконтролируемый румянец. Чёрт, как же я его ненавижу!

– Ты лишила меня приятного вечера, Ева, – его голос был низким и бархатистым, – теперь мне придётся провести его в неприятной компании...

В его зелёных глазах заискрилось неприкрытое лукавство. Да что он себе позволяет?

Ярость вспыхнула во мне с новой силой. Я развернулась к нему, и слова вырвались наружу:

– Рада испортить тебе вечер, Адам! Обращайся, я обязательно испорчу тебе *всетвой* вечера!

Адам замер на мгновение, глядя на меня в упор. В его глазах мелькнуло что-то странное – удивление, вызов, и, кажется, даже... восхищение? А потом... он рассмеялся.

Настоящий смех, глубокий, раскатистый, заполнивший весь кабинет. Его тело содрогалось от хохота, а зелёные глаза блестели от веселья. Он откинул голову назад, давая волю своему настроению, и в этот момент я не могла отвести от него взгляд. В нем было столько противоречий – высокомерие и незащитность, холод и обжигающий интерес, ярость и вот теперь – искреннее, неподдельное веселье.

Он смеялся так, словно я рассказала самую остроумную шутку в мире, и этот смех, вместо того, чтобы обидеть, почему-то ошеломил меня. Я стояла, как парализованная, не в силах пошевелиться, наблюдая за ним. Он был... красив. Да, именно это слово пришло мне в голову. В такие моменты он переставал быть самодовольным дьяволом и превращался... в человека.

Наконец, он немного успокоился, вытер выступившие слёзы с уголков глаз и перевел на меня взгляд, всё ещё сияющий смехом.

– Боже, Ева, ты неподражаема, – произнёс он, покачивая головой. – Ты правда думаешь, что можешь меня этим задеть? Скорее, напротив, я очень заинтригован, что у тебя на этот раз получится.

Лицо Адама посерьёзнело, но лукавая усмешка никуда не делась.

– Знаешь, а мне даже интересно, что же заставило тебя так... отреагировать, – с любопытством произнёс Адам. – Но... давай вернёмся к моему испорченному вечеру. Знаешь, Ева, обычно мои вечера не так легко испортить. Но ты... ты обладаешь особым талантом.

Он сделал шаг ко мне, сокращая разделяющее нас расстояние, и я невольно отступила назад. Его близость обжигала, лишала здравомыслия.

– Но перед тем, как мы перейдём к моим планам на вечер, – Адам остановился вплотную, заглядывая мне в глаза, – Расскажи мне кое-что. Что это за бред ты сейчас несла?

В его голосе снова зазвучали смешливые нотки.

– Подгузники до пяти лет? Ночник в виде зайчика? Ева, ты точно в порядке? – усмехнулся он.

Мои щёки залились краской. Кажется, я перегнула палку.

– Было и было, – попыталась я выдать невозмутимый тон. – Что такого? Все дети разные. Может, тебе просто не повезло вовремя выскочить из подгузников.

Я внутренне содрогнулась от собственной глупости. Зачем я вообще завела этот разговор?

Адам лишь приподнял бровь, глядя на меня с нескрываемым подозрением.

— А ты у нас, оказывается, эксперт в вопросах подгузников и ночников, — промурлыкал он. — И что же, тебе правда было так весело представлять меня в таком виде?

В этот раз я не выдержала и негромко фыркнула.

— Ну, знаешь... было забавно, — призналась я, не в силах сдержать смущение за лукавой улыбкой. — У тебя такой вид всегда, будто ты с рождения умел командовать вселенной. А тут... маленький, беспомощный Адам, зависящий от воли родителей. Это освежает.

Его вопросы заставили меня замолчать. Я видела, что он наслаждается моей растерянностью. Как же я ненавидела, когда он брал верх!

Адам смотрел на меня пристально, с этим странным блеском в зелёных глазах. В его взгляде было что-то дикое, хищное, и я почувствовала себя загнанной в угол.

— Маленький дикий котёнок, — прошептал он, растягивая слова.

Волна ярости окатила меня с головой. "Котёнок?" Да как он смеет?

— Этот котёнок обязательно тебя поранит, — прошипела я, стараясь сдержать дрожь в голосе.

Внутри меня клокотала ненависть, подпитываемая желанием отомстить. Я обязательно отомщу ему за каждое слово, за каждый насмешливый взгляд. Я заставлю его пожалеть,

что он вообще принял решение взять меня под свою опеку.

Адам лишь усмехнулся, явно наслаждаясь моей реакцией. Он, казалось, предвкушал предстоящую игру.

– Давай попробуем, – промурлыкал он, наклоняясь ближе.
– Сыграем же в твою игру!

Глава 18. Ева. Настоящее время

Противный, визгливый звук будильника ворвался в мою голову, заставив резко распахнуть глаза. Ненавижу это утро. Ненавижу каждый новый день, но сегодня... сегодня особенно. С рывком села на кровати, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Заставила себя подняться и подойти к зеркалу.

Там, в отражении, на меня смотрела... не я. Вернее, я, но уже другая. Не та маленькая, испуганная мышка, как любил меня называть Адам. И уж точно не дикий котёнок, который царапался и шипел на весь мир. На меня смотрела женщина. Взрослая девушка. Боже, мне уже восемнадцать! А кажется, будто вся моя жизнь – это бесконечный кошмар, начавшийся два года назад, когда я потеряла родителей. И меня "спасли", отправив жить с ненавистным Адамом.

В зеркале я видела уверенность, холодную решимость.

«Я обещала устроить Адаму ад», – пронеслось в голове. И, должна признать, я неплохо в этом преуспела. Ехидная улыбка тронула мои губы. Пора продолжать.

Внезапный звонок телефона заставил меня вздрогнуть. На экране высветилось: "Катка". Моя школьная подруга, одна из немногих, кто остался рядом после того, как меня забросили в эту элитную школу.

«Подачка», – презрительно подумала я. Мне не нужны

его деньги, его попытки загладить вину, искупить грехи. Но Адам был непреклонен.

«Ради твоего будущего», – твердил он. Как же мне было плевать на это "будущее".

С раздражением приняла вызов.

– Привет, Кать. Ну чего опять? – буркнула я.

– Ева, привет! Ну что ты как всегда... Я просто хотела узнать, как дела? – в голосе Кати чувствовалась лёгкая тревога.

– Всё отлично. Как всегда, – повторила я с сарказмом. – Живу в золотом склепе, ем лобстеров и страдаю от скуки.

Катя вздохнула.

– Ева, ну хватит уже! Послушай, я понимаю, что тебе тяжело, но Адам ведь старается! Он же твой дядя... Он пытается дать тебе всё, что ты потеряла.

– Старается? Да он просто пытается залить мои слёзы деньгами! – ярость заклокотала во мне. – Он думает, что так можно забыть о моих родителях? Обо всём? Будто ничего и не случилось?

– Он просто не знает, как тебе помочь! – настаивала Катя. – Неужели ты не видишь, что ты просто выводишь его из себя?

– Да, вывожу! – резко ответила я. – Это даже забавно.

Я сбросила одеяло и прыгнула с кровати. Подошла к огромному окну, из которого открывался вид на ухоженный сад. И тут же замерла, увидев Адама. Он стоял возле свое-

го нового чёрного "Бентли" и целовал какую-то блондинку. Очередная кукла. Как же он меня бесит!

– Он опять с какой-то шлюхой, – пробормотала я в трубку.

– А тебе-то что? – удивилась Катя. – Какое тебе дело?

– Да никакого! Просто противно смотреть на это лицемерие, – ответила я, чувствуя, как поднимается ком в горле.

– Ева, ну не обманывай себя! Может, ты просто ревнуешь? – с усмешкой спросила Катя.

– Ревную? Да ни за что! – выпалила я, но сердце предательски дрогнуло. Чёрт! Кажется, Катя была права. Нет, так не должно быть! Я просто... я просто привыкла его ненавидеть. Другого объяснения быть не может. Но почему тогда я чувствую эту острую боль в груди, когда вижу его с другими женщинами?

К тому же он мне... дядя! Пусть и наполовину, пусть и брат отца только по отцу, а не по матери, но это ничего не меняет. Это же Адам, мой родственник, моя... семья, как бы странно это ни звучало. Какого чёрта я должна его ревновать? Да это просто абсурд! Звучит, как бред сумасшедшего.

– Кать, ты вообще в своём уме? Какая ревность? К дяде? Ты совсем мозги растеряла, что ли? – выпалила я, чувствуя, как щёки начинают гореть. – Это... отвратительно даже думать о таком!

На другом конце провода раздался залиvistый смех. Бесит! Как же меня бесит, когда она смеётся, когда я в таком состоянии.

– Ну чего ты так кипятишься? Я ж пошутила! Просто проверяла твою реакцию, – сквозь смех проговорила Катька.

– Очень смешно, – процедила я сквозь зубы, отворачиваясь к окну.

Внизу, Адам уже вел эту крашенную блондинку к дому. Под руку, галантно улыбаясь, словно она – королева, а он – преданный слуга. Тошно. Ядовитая злость поднялась откуда-то изнутри. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь.

– Ну вот, опять, – пробормотала я, скорее себе, чем Кате.

– Ой, да брось ты! – отмахнулась Катька. – Какие тебе дела до его походов?

– Да нет мне дела! Просто противно! – повторила я, стараясь убедить в этом саму себя. – Он ведёт себя как лицемерный кобель.

Нужно было придумать что-то, что заставит Катю замолчать. Что-то, что докажет, что меня совершенно не интересует личная жизнь Адама.

– Вообще-то, у меня тоже всё хорошо, между прочим, – заявила я, стараясь придать голосу небрежный тон. – С Димой всё отлично. Он такой... настойчивый, – добавила я, стараясь придать голосу лёгкую томность. Надеюсь, Катька купится.

– Какой Дима? – тут же встрепенулась подруга. – Ты о ком вообще? Когда ты успела?

Я закатила глаза. Ну вот, началось.

– Познакомилась в клубе, – небрежно ответила я. – Что такого-то?

– Ева! Да сколько раз я тебе говорила не ходить в эти злые места! Ты должна думать об учёбе, о будущем! У тебя ведь такие перспективы!

– Да ладно тебе, Кать, – перебила я её. – На своём юрфаке я как рыба в воде. Всё успеваю, ещё и время на развлечения остаётся. И вообще, я делаю, что хочу. Мне восемнадцать, если ты забыла. Могу хоть трахаться с каждым встречным в туалете, плевать я хотела на все ваши правила и на Адама с его "подачками".

Внутри всё сжалось от отвращения. Но приходилось играть роль. Образ бунтарки, сорвиголовы, которой наплевать на всех, – это был мой щит и одновременно мой способ досадить Адаму. Чем больше я выходила за рамки приличий, тем сильнее его это выводило из себя.

– Ева! Ты хотя бы... предохраняешься? – ахнула Катя.

– Конечно, Кать! Я что, совсем дура? – выпалила я с напускной беспечностью.

И снова внутри всё перевернулось. Конечно, нет! Точно уж не в туалете... И точно уж не с каждым... Я бы никогда... Но Кате не обязательно знать правду. Она должна думать, что я оторва, которая совсем слетела с катушек. Пусть Адам думает, что я качусь по наклонной. Это игра. И я намерена выиграть.

– Ладно, Кать, прости, что я такая злая с утра, – вздохнула

я, пытаюсь сменить тему. – Мне пора, вообще-то. Ко второй паре надо быть в универе. Так что давай, пока.

– Ну-ну, смотри там, аккуратнее с этими "Димами", – засмеялась Катя. – А то ещё подхватишь какую-нибудь венерическую болячку, а дядечку твоего потом откачивать придётся.

Я фыркнула, представив себе эту картину. Нет, Адам слишком живучий, чтобы его так просто свалить. Да и не собираюсь я его травить, это было бы слишком просто.

– Не переживай, не планирую его таким оригинальным способом изводить, – усмехнулась я. – Ладно, прощай, опаздываю.

Я сбросила вызов и откинула телефон на кровать. Надо же, вторая пара! А я тут с Катькой трещу по телефону, вместо того, чтобы собираться. С другой стороны, может и к лучшему. Есть время продумать свой сегодняшний образ.

Я подошла к огромному гардеробу и распахнула дверцы. Шмотки, шмотки, шмотки... Адам действительно не скупился. Но мне всё это казалось каким-то... фальшивым. Будто он пытался купить мою любовь, заваливая меня дорогими тряпками.

Внутри всё дрогнуло от воспоминаний о маме. Вот кто умел создавать красоту из ничего! Она могла сшить потрясающее платье из старой занавески, и выглядела в нем, как королева. А я... я просто бездумно транжирю деньги на бренды.

Так, стоп! Хватит ныть и копаться в прошлом. Сейчас у меня другая цель. И я должна выглядеть на все сто.

Я остановила свой выбор на комплекте откровенного белья. Тонкие чёрные стринги и прозрачный лифчик, который лишь слегка прикрывал мою полную, высокую грудь. Мне всего восемнадцать, но фигура, кажется, сформировалась окончательно. Я всегда была миниатюрной, но женственные формы достались мне от мамы. Да, я маленькая, но очень даже хорошенькая.

Я критически оглядела себя в зеркале. Натуральный блонд... Может, стоит перекраситься? В чёрный, например? Это бы точно шокировало Адама. Кажется, он всегда гордился моими светлыми волосами. Но потом махнула рукой. Пофиг. Будет чёрный, будет новый повод для его недовольства. Сегодня и так хватит.

Поверх белья я надела короткое обтягивающее чёрное платье из плотной ткани. Оно идеально сидело по фигуре, подчёркивая все её достоинства. Осень в Москве выдалась довольно прохладной, октябрь уже вовсю заявил о своих правах. А значит под такую секси-вещь нужна верхняя одежда. Не куртка, конечно.

Из обуви я выбрала высокие чёрные ботинки на шнуровке. Тяжёлая подошва добавляла образу бунтарства. Сверху накинула длинный плащ, который скрывал все мои прелести. Идеально! С одной стороны – провокационно, с другой – сдержанно.

Макияж... Красная помада – однозначно. Яркая, вызывающая, как плевок в лицо общественному мнению. Тёмные тени подчеркнули глубину моих серых глаз. Немного румян, чтобы придать лицу свежести. Готово!

Я ещё раз оглядела себя в зеркале. Да, сегодня я выгляжу именно так, как и должна. Дерзкая, уверенная в себе, готовая к любым вызовам. И пусть Адам попробует сказать мне хоть слово. Я доведу его до белого каления, этого лицемерного кобеля!

Я вышла из комнаты, стараясь дышать ровно. Надежда теплилась в груди, что Адам уже уехал со своей куклой развлекаться. Да чтоб вас обоих черти драли!

Но стоило мне переступить порог холла, как вся надежда рухнула, погребённая под грудой раздражения. Они сидели на диване. Он – в расслабленной позе, с бокалом вина в руке, эта фифа рядом что-то щебетала, а он... улыбался. Улыбался, как ни разу не улыбался мне. Приторно-сладко, фальшиво. Лицемерная сволочь.

Ненависть захлестнула меня. Я вскинула голову, выпрямила спину и попыталась пройти мимо, сделав вид, что их не существует. Но он не дал мне и шанса.

– Ева, – и этот его голос, раньше казавшийся таким родным звучал жёстко и раздражённо. – Разве тебя не учили манерам?

Я остановилась и медленно повернулась к нему. Его взгляд сверлил меня насквозь, словно обжигая изнутри. Его

зелёные глаза буравили моё лицо, грудь, ноги, как будто раздевая. В этом взгляде была не только злость, но и что-то... другое. Что-то, что заставило сердце предательски забиться быстрее.

– Здраваться с кем? – ядовито процедила я, стараясь скрыть дрожь в голосе. – С блядьми?

Глава 19. Ева

Адам резко вскинул голову, и маска ложного спокойствия слетела с его лица. Глаза потемнели, во взгляде промелькнула неприкрытая злость. Он молча поднялся с дивана и поставил бокал с вином на столик. Эта блондинка, словно испуганная мышь, вжалась в подушки, наблюдая за нами с нескрываемым страхом. Да плевать!

Я попыталась обойти его, но он перегородил мне путь.

– Ты куда это собралась в таком виде? – прорычал он, а голос его ударил меня по самолюбию. Да как он смеет?

– А тебе какое дело? – огрызнулась я, стараясь сохранить видимость спокойствия. Но внутри всё дрожало. Я чувствовала, как бушует его гнев, и это пугало... и заводило одновременно.

– Ева, не испытывай моё терпение, – процедил он сквозь зубы, и я поняла, что перешла черту.

Я презрительно усмехнулась:

– Иначе что? Накажешь меня, дядя?

В следующий миг он схватил меня за руку. Крепко, больно. Я попыталась вырваться, но его хватка была железной.

– Отпусти! – взвизгнула я, чувствуя, как вскипает кровь. Ненависть в душе достигла предела.

Адам не обратил внимания на мои протесты. Он схватил

меня за обе руки и резко заломил их за спину, лишая возможности сопротивляться. Боль пронзила плечи, я зашипела от боли. Одной рукой он держал мои руки, а другой грубо распахнул плащ.

Его взгляд изменился. Ярость в его глазах достигла апогея. Он смотрел на меня, как зверь на добычу. Цвет его глаз стал почти чёрным. Он медленно оглядел моё тело, обтянутое чёрным платьем, и его лицо исказилось от ярости.

– Что... это... на тебе надето? – прошипел он ледяным тоном, в котором слышалась угроза. – Ты... совсем... с катушек... слетела?

Его ярость была музыкой для моих ушей. Я видела, как вены вздуваются у него на шее, как он едва сдерживается, чтобы не сорваться на крик. Боже, как же мне это нравилось! Чувствовать его гнев, знать, что одним своим видом я могу довести его до белого каления. Это была моя маленькая победа в этой бесконечной войне.

– Ты задыхаешься от злости, да, дядя? – прошептала я, наслаждаясь моментом. – Так тебе и надо.

Казалось, мои слова только подлили масла в огонь. Он сжал мои руки ещё сильнее, так, что я почти закричала от боли.

– Послушай меня внимательно, Ева, – прорычал он, глядя мне прямо в глаза. – Ключи от машины ты больше не увидишь. И можешь забыть о своих походах в клубы и вечеринки.

Я попыталась вырваться, но его хватка была мёртвой.

– Ты не имеешь права! – взвизгнула я, чувствуя, как в груди поднимается волна возмущения. – Это моя машина! На какие шиши я теперь буду ездить?

Он усмехнулся, и эта усмешка была ледяной.

– Мне плевать, как ты будешь ездить. Я сам буду тебя возить. В университет и обратно. Каждый день. И я буду контролировать, как ты одеваешься.

– Что? – я потеряла дар речи. – Ты... ты совсем спятил? Я не собираюсь терпеть этот цирк!

– Облегающие джинсы, кожаные брюки... – его взгляд скользнул по моему телу, остановившись на изгибе бедер. Я заметила, как он голодно сглотнул, и меня пробрала дрожь. – ...я ещё готов был простить. Но эти твои короткие недоплатья... это уже слишком, Ева. Перегибаешь палку.

– Да как ты смеешь? – я попыталась вырваться, но он только сильнее сжал мои руки. – Ты мне не отец, и не муж! Не тебе решать, что мне носить!

Я попыталась лягнуть его ногой, но он словно предвидел это движение и увернулся.

– Не имеешь права! – выплюнула я, чувствуя себя загнанной в угол.

Адам склонил голову набок, и в его глазах плескался холод, от которого мурашки побежали по коже.

– Позволь напомнить, Ева, что я твой опекун, – его голос звучал ледяным шёпотом, – И да, тебе исполнилось восемна-

дцать, вертихвостка, но я несу за тебя ответственность, пока ты, по крайней мере, не закончишь учёбу. И я не собираюсь возить тебя по врачам и оплачивать аборты, потому что у тебя, видите ли, что-то сильно чешется.

Я задыхнулась от возмущения. Он, кажется, сам поморщился от своих слов, словно ему противно было произносить это. Презрение и ярость затмили мой разум.

– Раз я тебя так бешу, – процедила я сквозь стиснутые зубы, – Я уеду в квартиру родителей, в Царицыно. Не буду маячить перед тобой в таком непристойном виде. И не волнуйся, дядя, я предохраняюсь.

Я пристально посмотрела в его глаза, наслаждаясь моментом. И увидела, как его взгляд стал просто невыносимо ледяным. Не гнев, а какая-то бессильная ярость... Он медленно, словно выплёвывая каждое слово, проговорил:

– Поедешь ты в свою дыру только через мой труп.

«Да, Адам слишком живуч, чтобы дожидаться его смерти», – промелькнула циничная мысль.

– А что насчет твоих... походов... Мне это не нравится, – продолжил он, не сводя с меня взгляда. – Ты отвлекаешься от учёбы. Поэтому сегодня после университета ты должна быть дома. Если этого не будет, пеняй на себя.

Я взвыла от ярости:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.